

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 62

Издательство Томского университета
2014

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П 68

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*,
д-р юрид. наук, профессор *С.А. Елисеев*,
д-р юрид. наук, профессор *Л.М. Прокументов*,
д-р юрид. наук, профессор *М.К. Свиридов*,
д-р юрид. наук, профессор *В.А. Уткин*,
канд. юрид. наук, доцент *Н.С. Дергач*

Правовые проблемы укрепления российской государственно-
П68 сти: сб. статей. – Ч. 62. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – 100 с.

ISBN 978-5-7511-2316-1

В сборник включены статьи преподавателей, научных сотрудников, аспирантов Юридического института ТГУ и других юридических учебных заведений Сибирского федерального округа по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности», состоявшейся в Юридическом институте Томского государственного университета 30 января – 1 февраля 2014 г., посвященные актуальным вопросам уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, теоретическим и практическим вопросам уголовного процесса, а также актуальным вопросам теории и практики расследования преступлений криминалистическими средствами. Авторами исследуются теоретические проблемы, вопросы практики деятельности законодательных, исполнительных, правоохранительных и судебных органов, вносятся предложения по повышению эффективности правового регулирования предупреждения преступности и предупредительной деятельности органов уголовной юстиции.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических работников правоохранительных органов уголовной юстиции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-7511-2316-1

© Томский государственный университет, 2014

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ТЯЖЕСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А.М. Трухин

Статья 15 УК РФ впервые в российском уголовном законодательстве определила категории преступлений, имеющие значение для установления пределов уголовной ответственности. В настоящее время квалификация основания уголовной ответственности и правовые последствия осуждения определяются не только видом, но и категорией совершенного преступления. Вид и тяжесть преступления характеризуются совокупностью объективных и субъективных признаков его состава. Именно они определяют основание и пределы уголовной ответственности субъекта преступления. Поэтому единственным правовым критерием квалификации категории тяжести преступления должно быть наказание. Согласно же ч. 2 и 3 ст. 15 УК категория преступления определяется не только наказанием, но и формой вины, что противоречит положению, предусмотренному ч. 1 этой статьи.

Полагаем, что неосторожные преступления, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет, должны определяться как тяжкие преступления. При этом критерием категории преступления является наказание, предусмотренное не только по максимуму, но и по минимуму. Например, согласно ч. 4 ст. 15 УК тяжкими преступлениями признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы. О минимальном наказании здесь ничего не сказано, но из ч. 3 этой статьи с очевидностью вытекает, что минимальным критерием для тяжкого преступления будет лишение свободы на срок свыше пяти лет.

Санкции за некоторые виды преступлений имеют минимум и максимум наказания, которые как критерии предусмотрены в разных категориях преступлений. Например, санкция ч. 1 ст. 105 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет. Учитывая это, мы предложили квалифицировать категорию преступления дифференцированно с учетом того, идет ли речь о привлечении к уголовной ответственности или об освобождении от нее¹.

В правоприменительной практике квалификация категории преступления ранее осуществлялась по букве закона, т.е. по максимуму санкции статьи Особенной части УК. Систематическое толкование положений, предусмотренных ст. 15 УК, на основе принципов уголовного закона позволило нам прийти к указанным выше выводам. Полагаем, законодатель частично воспринял наши доводы, что выразилось во внесении им дополнения в ст. 15 УК. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ст. 15 УК была включена ч. 6, согласно которой суд вправе изменять категорию преступления на менее тяжкую категорию на основе фактически назначенного наказания.

К сожалению, положения ч. 6 ст. 15 УК имеют ряд недостатков. Во-первых, суд не вправе, как указано в ч. 6, а обязан определять категорию тяжести преступления с учетом всех юридически значимых обстоятельств (отягчающих и смягчающих наказание), характеризующих вид совершенного преступления.

Следуя букве закона, суд при назначении одинакового вида и размера наказания двум лицам, совершившим преступления одного вида и одной конкретной тяжести, одному лицу может изменить категорию преступления на более мягкую категорию, а другому не изменить. Возникает вопрос: как это соотносится с принципами закона? С равенством перед законом, справедливостью, виной и гуманизмом?

Во-вторых, изменение категории на более мягкую категорию допускается только при отсутствии отягчающих наказание обстоя-

---

¹ См.: *Трухин А.М.* Формальная определенность уголовной ответственности в уголовном законе // Государство и право. 2006. № 3. С. 59.

тельств. Это противоречит критерию наказания, который, как мы указывали выше, должен быть единственным критерием квалификации категории преступления.

В-третьих, ограничение изменения категории на более мягкую категорию наказанием, не превышающим семь лет лишения свободы, не соответствует основным положениям ст. 15 УК. Если фактические обстоятельства преступления обусловили назначение наказания в виде лишения свободы на срок свыше пяти, но не свыше десяти лет, то это автоматически должно квалифицировать категорию преступления как тяжкое преступление, хотя максимум относительно определенной санкции предусматривает наказание свыше десяти лет. Только такой вывод можно признать соответствующим всем принципам уголовного закона, которые неизбежно должны соблюдаться в судебной практике.

Законодатель внес также изменение в ч. 2 ст. 15 УК, повысив максимальный критерий с двух до трех лет лишения свободы для преступлений небольшой тяжести. Этим он нарушил логику определения критериев категорий преступлений (от 2 месяцев до 2 лет, от 2 до 5, от 5 до 10 и от 10 до 20 лет лишения свободы).

По некоторым санкциям законодатель в настоящее время исключил указание на минимум наказания. Например, санкция ч. 1 ст. 111 УК предусматривает лишение свободы на срок до восьми лет, по ч. 4 этой статьи – лишение свободы на срок до пятнадцати лет. Согласно части 6 ст. 15 УК суд может изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления. С учетом этого положения, а также критериев категорий преступлений минимум санкции ч. 1 ст. 111 УК будет свыше трех лет лишения свободы (от трех до восьми), а минимум санкции ч. 4 этой статьи будет свыше пяти лет (от пяти до пятнадцати), а не два месяца лишения свободы. При решении данной проблемы следует руководствоваться положениями, предусмотренными ст. 15 УК, а не положениями, предусмотренными ст. 56 УК.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УСТАНОВЛЕНИЯ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Т.Г. Черненко

1. Рецидивом преступлений согласно ч. 1 ст. 18 УК РФ признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Однако в ряде случаев, оговоренных в ч. 4 ст. 18 УК РФ, судимости за предшествующие преступления не учитываются при признании рецидива преступлений, в частности, судимости за преступления небольшой тяжести. В определенных ситуациях применение этого положения закона может считаться оправданным: допустим, лицо было осуждено за преступление небольшой тяжести к наказанию, не связанному с лишением свободы, и при непогашенной судимости вновь совершает преступление небольшой тяжести. Вряд ли в подобных ситуациях можно однозначно говорить о возрастании степени опасности личности преступника и о необходимости в связи с этим констатировать в его деяниях рецидив преступлений со всеми вытекающими отсюда последствиями. В то же время если лицо, имея судимость за преступление небольшой тяжести, совершает преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое, то в соответствии с п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ рецидив преступлений также отсутствует.

Совершение же умышленного преступления небольшой тяжести лицом, имеющим непогашенную или неснятую судимость за ранее совершенное умышленное преступление средней тяжести либо тяжкое или особо тяжкое преступление, образует рецидив преступлений.

Общественная опасность как свойство личности преступника, заключающееся в реальной угрозе совершения им нового преступления, имеющая различную степень выраженности у первичных и повторных преступников (в том числе и рецидивистов), является основанием для усиления ответственности тех, кто совершил преступление не в первый раз¹. Совершение лицом в очередной раз бо-

---

¹ См.: *Филимонов В.Д.* Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 129–130.

лее тяжкого преступления по сравнению с предыдущим свидетельствует о возрастании общественной опасности личности такого преступника, что должно отразиться на ответственности данного лица. Увеличение общественной опасности совершаемых лицом деяний более опасно, чем обратный процесс. Однако это не было учтено законодателем при конструировании п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ, вследствие чего более серьезные уголовно-правовые последствия могут наступить для лиц, обладающих меньшей степенью общественной опасности по сравнению с другими лицами.

Если законодатель стремился ограничить рецидив преступлений более серьезными его проявлениями, исключив из него судимости за преступления небольшой тяжести, то следовало бы проявить последовательность и далее, установив в ст. 18 УК РФ, что умышленное преступление небольшой тяжести, совершенное при наличии судимости за умышленное преступление небольшой тяжести, рецидива преступлений не образует.

2. При признании рецидива преступлений в соответствии с п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым представлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы. Данное положение закона не может быть признано удачным, соответствующим целям борьбы с повторными преступлениями. Оно далеко не всегда позволяет назначить справедливое наказание лицам, совершившим во время испытательного срока при условном осуждении или в течение периода отсрочки отбывания наказания новое преступление. Во время испытательного срока условно осужденными совершаются преступления различной тяжести. Если, допустим, условно осужденный совершил особо тяжкое преступление, то это свидетельствует о том, что он не оправдал оказанное ему судом доверие, его поведение не изменилось в лучшую сторону, степень опасности его личности, безусловно, возросла. Однако суд не может констатировать рецидив преступлений и учесть его как отягчающее наказание обстоятельство, поскольку это противоречило бы предписаниям п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ.

3. В судебной практике нет единого подхода к решению вопроса о том, можно ли констатировать рецидив преступлений в том случае, когда судом было вынесено решение об отмене условного осуждения и направлении осужденного в места лишения свободы для отбывания наказания, но лицо реально не отбывало лишения свободы до совершения им нового преступления.

Думается, что при решении данного вопроса необходимо исходить из следующего. В п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ речь идет именно о направлении лица при отмене условного осуждения для отбывания наказания в места лишения свободы и ничего не говорится о необходимости реального отбывания лицом наказания в местах лишения свободы до совершения им нового преступления. Вследствие этого признание рецидива преступлений в изложенной выше ситуации не противоречит закону. Необходимо иметь в виду и то, что преступное поведение лица, совершающего очередное общественно опасное деяние тогда, когда условное осуждение по предыдущему приговору было судом отменено, свидетельствует о том, что степень общественной опасности его личности возрастает и такое лицо заслуживает применения к нему более строгих правил назначения наказания.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТИЕ ВИНОВОГО КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, СМЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ

И.В. Масалитина

Общие начала назначения наказания требуют наряду с другими факторами учитывать при назначении наказания обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Одним из смягчающих наказание обстоятельств закон признает несовершеннолетие виновного (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ). По вопросу о том, в обязательном ли порядке, независимо от категории совершенных преступлений, несовершеннолетие виновного должно рассматриваться как обстоятельство, смягчающее наказание, в доктрине уголовного права не сложилось единства мнений. Согласно одной точке зрения несовершенно-

летие виновного должно всегда выступать в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, независимо от категории совершенного лицом преступления¹. Обосновывается данная позиция возрастными и психологическими особенностями несовершеннолетних лиц: несовершеннолетним присущи повышенная эмоциональность, возбудимость, неуравновешенность характера, сравнительно частые, быстрые и резкие смены форм поведения, некоторая ограниченность умения владеть собой, сдерживать свои порывы, неустойчивость интересов, озорство, избыток энергии и др., вследствие чего несовершеннолетие должно рассматриваться как смягчающее наказание обстоятельство.

Согласно другой точке зрения несовершеннолетие не может оказывать обязательного влияния на смягчение наказания в случае совершения несовершеннолетним тяжкого или особо тяжкого преступления. Так, например, Г.И. Чечель отмечает, что в последние годы среди несовершеннолетних получили в большей мере распространение эгоизм и индивидуализм, паразитизм и стяжательство, правовой нигилизм, пьянство, наркомания, токсикомания, неоправданная жестокость и насилие над личностью, половая деморализация, деградация духовных ценностей, в связи с чем вряд ли был бы уместным и обоснованным учет несовершеннолетия как обязательного обстоятельства, смягчающего наказание за совершенные особо тяжкие преступления².

Еще более категоричная позиция высказана учеными, считающими, что несовершеннолетие виновного не должно учитываться в

---

¹ См., например: *Тацилин М.Т.* Обязательное смягчение меры уголовного наказания. Пятигорск, 2007. С. 69; *Селиверстов В.И.* Обстоятельства, смягчающие наказание // Российское уголовное право. Т. 1: Общая часть / под ред. Э.Ф. Побегайло. М., 2008. С. 408; *Непомящая Т.В.* Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики. М., 2012. С. 227; *Понятовская Т.Г.* Особенности назначения наказания несовершеннолетним // Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Рарога. М., 2012 / СПС «КонсультантПлюс».

² См.: *Чечель Г.И.* Спорные вопросы назначения наказания несовершеннолетним // Общество и право. 2011. № 3 / СПС «КонсультантПлюс».

качестве обстоятельства, смягчающего наказание, если виновный совершил тяжкое или особо тяжкое преступление¹.

Думается, что учет несовершеннолетия как смягчающего наказание обстоятельства не должен зависеть от тяжести совершенных преступлений. Несовершеннолетними преступления часто совершаются в группе. Роли несовершеннолетних в совместно совершенных преступлениях могут быть различными. Зачастую преступление совершается под влиянием совершеннолетних лиц. Было бы несправедливым, ссылаясь на то, что несовершеннолетний принимал участие в тяжком и особо тяжком преступлении, не учитывать несовершеннолетие в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Необходимо иметь в виду, что в соответствии с ч. 2 ст. 89 УК РФ несовершеннолетний возраст как смягчающее обстоятельство учитывается в совокупности с другими смягчающими и отягчающими обстоятельствами. Степень влияния несовершеннолетия на наказание может быть разной в зависимости от того, в каком конкретно возрасте (в интервале от 14 до 18 лет) совершено лицом преступление (возрастные особенности, к примеру, четырнадцатилетних и семнадцатилетних, существенно отличаются), а также от установленных судом индивидуальных особенностей несовершеннолетнего, в частности, от уровня психического развития личности.

ПРОБЛЕМА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНЫХ НАКАЗАНИЮ

М.Р. Гета

Составной частью уголовно-правового воздействия является **применение наказаний и иных уголовно-правовых средств**. Поэтому весьма актуальной остается проблематика пределов наказания

---

¹ См.: *Скрябин М.А.* Общие начала назначения наказания и их применение к несовершеннолетним. Казань, 1988. С. 43; *Уголовное право России: в 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова.* Т. 1. М., 1998. С. 424.

и некарательных уголовно-правовых последствий преступного деяния.

УК РФ о средствах воздействия, отличающихся от классического института наказания, содержит минимальные сведения и не раскрывает их содержания. В «Словаре русского языка» указывается, что «...последствия – это результат, следствие чего-нибудь»¹. Определим «уголовно-правовые последствия» как предусмотренные уголовным законом обстоятельства, наступившие в результате совершения преступления, иного уголовно-правового деяния, проявляющиеся в форме различных уголовно-правовых средств, направленных на устранение криминальной опасности, предупреждение новых преступлений и иных общественно опасных деяний, восстановление нарушенного социального равновесия в системе объектов уголовно-правовой охраны. Уголовно-правовые последствия могут выражаться в формах реализации уголовной ответственности, в освобождении от наказания или от уголовной ответственности либо в мерах безопасности, существующих «параллельно» и «последовательно» уголовной ответственности. Неоднородность уголовно-правовых последствий деяния можно увидеть на примере конфискации имущества и судимости.

Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера является «непоименованной» мерой безопасности. При этом оставляет желать лучшего ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. В ней в перечень составов преступлений, вследствие которых было получено имущество, подлежащее конфискации, не вошли вымогательство (ст. 163 УК РФ), недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ). Нет в этом перечне и видов мошенничества. Логике законности абсолютно не соответствует то обстоятельство, что вымогательство и мошенничество, выступающие «ядром» рейдерских захватов чужого имущества, важнейшим источником криминального накопления в «постсоциалистической» России, не учитываются при возможном применении нормы о конфискации. Таким образом, правовой режим конфискации имущества нуждается в совершенствовании.

---

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2005. С. 733.

В юридической науке обращается внимание на то, что судимость – это один из видов уголовно-правового отношения. Её смысл состоит в предупреждении новых преступлений¹. Фактически судимость – это *длящаяся посткриминальная, постпенитенциарная мера безопасности*, следующая за всеми видами наказаний, освобождением от наказания и условным осуждением. В целом уголовно-правовые последствия преступного деяния, альтернативные наказанию, можно представить как совокупность **уголовно-правовых средств безопасности, восстановления, испытания**. Они могут существовать в рамках уголовной ответственности (конфискация имущества, судимость, условное осуждение, отсрочка отбывания наказания), быть связанными с освобождением от нее (меры восстановления) или реализовываться параллельно уголовной ответственности (принудительные меры воспитательного воздействия). Познание закономерностей, сущности и содержания данных уголовно-правовых средств – это процесс установления криминологически обоснованных границ уголовного права, а значит, и определения наиболее эффективных и соразмерных средств противодействия преступности.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 27 СЕНТЯБРЯ 2012 г.
№ 19 «О ПРИМЕНЕНИИ СУДАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ И ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ПРИ
ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ»**

В.В. Василенко

Необходимость в принятии нового постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при за-

---

¹ Филимонов В.Д. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения / В.Д. Филимонов, О.В. Филимонов. М., 2007. С. 196.

держании лица, совершившего преступление» возникла давно, поскольку постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств», в котором рассматривались вопросы необходимой обороны, было рассчитано на не действующее уголовное законодательство.

Рассмотрим некоторые положения нового постановления, которые, на наш взгляд, имеют недостатки:

1. В контексте необходимой обороны интересы обороняющегося всегда должны превосходить интересы посягающего, но эта мысль выражена в преамбуле недостаточно четко. Это, прежде всего, связано с парадигмой «минимизации вреда посягающему». Поэтому абз. 4 преамбулы постановления целесообразно было бы дополнить словами «при сохранении приоритета прав обороняющегося, других лиц, а также охраняемых законом интересов общества или государства». Абзац 5 следовало бы исключить из текста постановления.

2. В новом постановлении пленума предпринята попытка разрешить ситуацию, связанную с применением средств защиты от общественно опасного посягательства в так называемом «автономном режиме». Здесь нас интересует положение в части трактовки «не запрещенных законом средств или приспособлений», так как оно приведено без каких-либо иллюстраций и нуждается в уточнении. По нашему мнению, использование таких предметов, устройств и веществ в рассматриваемой ситуации продолжает регулироваться положениями уголовного закона о необходимой обороне, однако это не исключает уголовной ответственности обороняющегося за их незаконный оборот (например, по ст. 222 УК РФ).

3. Также в постановлении не оказалось ранее действующей рекомендации судам при назначении наказания за превышение пределов необходимой обороны каждый раз обсуждать вопрос о назначении наказания, не связанного с лишением свободы.

4. Некоторые положения комментируемого постановления пленума выглядят несколько противоречивыми. Так, в нем разъяснено, что правомерные действия должностных лиц, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, даже если они сопряжены

с причинением вреда или угрозой его причинения, не должны оцениваться как действия в состоянии необходимой обороны (п. б).

Однако далее пленум говорит иное, указывая, что положения ст. 37 и 38 УК РФ распространяются на сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, которые в связи с исполнением своих служебных обязанностей могут принимать участие в пресечении общественно опасных посягательств или в задержании лица, совершившего преступление.

В целом постановление содержит ряд весьма важных и своевременных разъяснений по вопросам применения норм уголовного закона. Однако точная их реализация на практике упирается в проблемы процессуального порядка, ведь существующая в России система судопроизводства построена преимущественно на вынесении обвинительных приговоров. Поэтому нет абсолютной уверенности в том, что в случае необходимой обороны вас оправдают.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

К.О. Попов

Анализ ныне действующего российского уголовного законодательства показывает, что непосредственным объектом клеветы (ст. 128¹ УК РФ) являются честь, достоинство и репутация личности. Это следует из характеристики видового и родового объектов данного преступления, отраженных в наименовании гл. 17 («Преступления против свободы, чести и достоинства личности») и разд. 7 УК РФ («Преступления против личности»), а также из описания признаков состава клеветы в диспозиции ч. 1 ст. 128¹ УК РФ. Потерпевшим от клеветы, таким образом, может быть исключительно физическое лицо.

В случае клеветы в отношении юридического лица и умаления вследствие этого его деловой репутации уголовная ответственность невозможна (по крайней мере если деяние совершено общим субъ-

ектом). Для таких ситуаций в современном законодательстве предусмотрены только гражданско-правовые способы защиты нарушенных прав юридического лица. В практике имеются примеры рассмотрения судами уголовных дел о клевете по фактам распространения заведомо ложных сведений, подрывающих деловую репутацию юридического лица¹, однако они вполне обоснованно завершаются вынесением оправдательных приговоров.

Вопрос о необходимости установления уголовной ответственности за клевету в отношении юридического лица, а также о конкретных формах криминализации в доктрине уголовного права уже обсуждался и однозначного решения не нашел. В науке высказывались мнения как о возможности введения соответствующей статьи в гл. 22 УК РФ, так и о возможности распространения ст. 128¹ УК РФ на деяния, причинившие вред юридическим лицам².

В настоящее время можно отметить некую несправедливость уголовного закона в отношении юридических лиц, деловой репутации которых был причинен вред посредством распространения заведомо ложных сведений, и нарушение законодателем одного из аспектов принципа равенства – равной охраны одинаковых благ вне зависимости от того, каким субъектам они принадлежат. Деловая репутация юридического лица по своей природе идентична деловой репутации индивидуального предпринимателя. Однако последняя находится под охраной уголовного закона по причине того, что индивидуальный предприниматель выступает как физическое лицо и может быть потерпевшим по ст. 128¹ УК РФ. Между тем умаление деловой репутации способно причинить гораздо больший имущественный вред юридическому лицу, чем индивидуальному предпринимателю. Практике известны случаи, когда убытки от умаления деловой репутации организации оценивались миллионами рублей.

---

¹ Решение мирового судьи судебного участка № 70 Советского района г. Тулы. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-70-sovet-skogo-rajona-g-tuly-s/act-201919773/> (дата обращения: 05.01.2014).

² См., например: *Тарбагаев А., Глисков А.* Репутация юридического лица как объект преступного посягательства при клевете и оскорблении // Уголовное право. 2011. № 3. С. 59; *Сабитов Р.А., Литвиненко А.Ю.* Уголовно-правовая защита деловой репутации юридического лица // Современное право. 2009. № 12. С. 134.

Стоит отметить и то, что ранее и предприниматель, и организация при умалении деловой репутации могли в соответствии с гражданским законодательством обратиться в суд с заявлением о компенсации морального вреда. Но в результате недавних изменений в ГК РФ в силу прямого указания закона юридическое лицо и такую возможность потеряло. Поэтому представляется, что вопрос о криминализации клеветы в отношении юридических лиц в современных условиях является весьма актуальным и требующим решения. Необходимо совершенствование и уголовно-процессуального законодательства, так как в соответствии с действующим УПК РФ юридическое лицо может быть признано потерпевшим в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации, т.е. при наличии одновременно двух обстоятельств.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ ИЛИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

О.В. Ермакова

Развитие информационных технологий на современном этапе привело к обострению мошенничеств с использованием средств сотовой связи и в сети Интернет. При этом столь широкому распространению таких мошенничеств способствуют существующие проблемы квалификации, одна из которых – установление момента окончания преступления.

Особенности момента окончания «телефонного и компьютерного» мошенничества связаны с характеристиками предмета преступления, в качестве которого выступают безналичные деньги. Такое преступление предполагает перевод собственником, введенным в заблуждение, денежных средств на расчетный счет виновного лица.

Соответственно момент окончания данной разновидности мошенничества определяется моментом зачисления денег на банковский счет виновного (или иной счет, который он может контролировать

вать), поскольку именно с этого момента виновный получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению (например, осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате мошенничества).

Анализ судебной практики показывает, что поступление денежных средств на банковский счет виновного всегда расценивается как оконченное преступление, независимо от того, воспользовался ли виновный данными средствами. Так, Ленинским районным судом г. Барнаула за оконченное мошенничество обоснованно осужден М., который состоял на учете в районном центре занятости населения как безработный, но, устроившись на работу, с учета не снялся и продолжал отмечаться в качестве безработного с целью незаконного получения пособия по безработице. Денежные средства перечислялись ему на счет в отделении банка. В приговоре указано, что на счет виновного поступило пособие за три месяца, фактически им получены деньги лишь за один месяц, но остальную сумму он имеет реальную возможность снять. Поэтому М. вменяется хищение всей поступившей на его счет суммы¹.

Если же по не зависящим от виновного обстоятельствам денежные средства не зачислены на счет, его действия квалифицируются как покушение на соответствующее преступление (например, собственник имущества, получив сообщение на адрес в сети Интернет, обнаружил факт обмана).

Однако правоприменительная практика не следует указанному правилу. В частности, если лицо обращается в правоохранительные органы с заявлением о привлечении к ответственности в связи с получением сообщения об обманном переводе денежных средств, в возбуждении уголовного дела отказывается, хотя налицо стадия покушения. Такое положение можно объяснить тем обстоятельством, что если по всем фактам получения СМС-сообщений или сообщений в Интернете правоохранительными органами будут возбуждены уголовные дела, то количество зарегистрированных преступлений

---

¹ Архив Ленинского районного суда г. Барнаула. Уголовное дело №1-273/12.

возрастет в несколько раз. Еще одним доводом в пользу отказа от возбуждения уголовного дела правоохранные органы указывают отсутствие признака общественной опасности, поскольку сам факт воздействия на лицо (например, путем СМС-сообщения) еще не приводит к вредным последствиям.

По нашему мнению, учитывая, что покушением согласно ч. 3 ст. 30 УК РФ признается действие (бездействие) лица, непосредственно направленное на совершение преступления, сам факт умышленного направления сообщения на сотовый телефон или в сети Интернет должен квалифицироваться в качестве покушения на мошенничество. Наступление же преступных последствий в виде причинения имущественного ущерба уже свидетельствует об оконченном преступлении.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 160 УК РФ

Л.В. Ведерникова

В научной литературе неоднократно ставился вопрос о том, являются ли присвоение и растрата самостоятельными формами хищения. Большинство современных авторов этот вопрос решают положительно, в поддержку этих выводов приводят разные, причем не всегда убедительные аргументы.

Зачастую авторы указывают и на различия в моменте окончания присвоения и растраты, ссылаясь на выводы Верховного Суда РФ. Вследствие этого момент окончания растраты «выбивается» из общего понятия хищения и искусственно переносится на более поздний этап преступленного поведения. Представляется, что растрата не является самостоятельной формой хищения:

1. Растрата стала упоминаться в уголовно-правовых нормах гораздо позже присвоения и лишь как вид совершения этого преступления. Первое упоминание о присвоении содержалось в Военских артикулах 1715 г.; в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. законодатель упоминает и о растрате применительно

к составу присвоения вверенного движимого имущества, а также в разделе о должностных преступлениях. Напомним, что Уложение 1845 г. отличалось казуистичностью, законодатель стремился в уголовно-правовых запретах предусмотреть всевозможные варианты преступного поведения, потому растрата и появилась в нем, но не как нечто особенное, а лишь возможная вариация преступного поведения против чужой собственности, а также как частный случай злоупотребления должностным лицом при использовании вверенных средств.

Согласно Уголовному уложению 1903 г. присвоение могло выражаться как в удержании, передаче другим лицам, так и в растрате имущества.

Редакционная Комиссия в разъяснениях к проекту Уголовного уложения 1903 г. указывала, что законодательство выделяет две формы совершения подобного преступного деяния (присвоение и растрату), но и литература и судебная практика полагают, что растрата – это лишь отдельный вид родового понятия присвоения. Действие, в котором выражается удержание чужого имущества виновным вопреки воле собственника, является достаточным для понятия присвоения, независимо от того, ограничился при этом виновный простым невозвращением или его деяния были более сложными (ложь, изменение или подмена вещи, растрата)¹.

Уголовные законодательства советского периода (УК 1922 г. и УК 1926 г.) растрату рассматривали как разновидность присвоения при совершении хищения в отношении частного имущества и как самостоятельную форму преступления – при совершении должностного преступления. УК РСФСР 1960 г. присвоение и растрату рассматривал как самостоятельные формы хищения.

2. Подобное законодательное решение порождает определенные трудности и для правоприменителя. Изучение судебной практики по этой категории дел показывает, что правоприменитель испытывает определенные трудности при разграничении присвоения и растраты. Как правило, в обвинительном заключении по уголовному делу, ус-

---

¹ Проект Уголовного уложения. Объяснения редакционной комиссии. Посягательства имущественные. С. 147–148.

танавливая фактические обстоятельства хищения, следователи вынуждены указывать, что виновным было совершено «присвоение или растрата вверенного имущества», и отдавать разрешение вопроса о квалификации суду. Нередко подобная ситуация также встречается и в приговорах суда. Суд зачастую указывает, что виновный совершил «хищение путем присвоения, а затем растраты» вверенного имущества. С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что такое понятие, как «растрата», давно необходимо вернуть на свое историческое место, т.е. растрату необходимо рассматривать как противоправные действия, которые включаются в понятие «присвоение». Поскольку понятие «присвоение» по объему шире понятия «растрата», последняя составляет лишь частный случай похищения вверенного имущества.

Присвоение необходимо определить как форму (способ) хищения чужого вверенного имущества, при котором оно удерживается у виновного, расходуется, передается иному лицу, растрачивается.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

Л.В. Цой

Проблемы квалификации деяния по признакам вымогательства связаны прежде всего с невозможностью во всех случаях установить угрозу как конструктивный признак вымогательства.

Первая проблема квалификации вымогательства по признакам ст. 163 связана с невозможностью установления угрозы, подкрепляющей требование, если виновный высказывает угрозу в неконкретизированной форме. На практике имеют место случаи, когда есть требование, а угроза отсутствует или носит иной характер, к примеру, фразы: «...будет хуже», «...ты же не знаешь, что может случиться завтра». Необходимо отметить, что в 2005 г. Воронежской областной думой был представлен проект ФЗ «О внесении изменений в ст. 163 УК РФ». В пояснительной записке данного проекта было

указано, что анализ сложившейся практики, а также многочисленные обращения граждан показали, что подавляющее большинство вымогателей, участников организованных преступных групп, внимательно изучив признаки состава вымогательства, находят способ ухода от уголовной ответственности. При выдвигании требований о передаче чужого имущества они практически не высказывают реальных угроз, делают это в завуалированной форме, намеками. Вследствие этого граждане, обратившиеся в правоохранительные органы по факту совершения в отношении них вымогательства, получают в ответ отказ в возбуждении уголовного дела, так как в действиях вымогателей зачастую отсутствуют реальные угрозы. На данный законопроект были даны отрицательные отзывы со стороны Верховного Суда РФ и Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству в связи с чем законопроект был отклонен Государственной думой РФ.

Второй аспект проблемы квалификации деяния по признакам ст. 163 УК РФ связан с узким характером угрозы, предусмотренной в ст. 163 УК РФ. Так, Пленум ВС РФ в постановлении от 4 мая 1990 г. «О судебной практике по делам о вымогательстве» разъясняет, что как вымогательство под угрозой оглашения позорящих сведений следует квалифицировать требование передачи государственного, кооперативного, общественного или личного имущества, сопровождающееся угрозой разглашения сведений о совершенном потерпевшим или его близкими правонарушении, а равно иных сведений, оглашение которых может нанести ущерб чести и достоинству потерпевшего или его близких. При этом не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой разглашения которых совершается вымогательство. Следует отметить, что вымогательство может осуществляться под угрозой распространения сведений, не являющихся позорящими и вряд ли связанных с существенным вредом, но для потерпевшего крайне важно сохранить их в тайне (информация о наличии у него заболеваний, об усыновлении ребенка, пресечении преступления).

Таким образом, видится, что разрешение указанных проблем возможно путем: 1) дополнения постановления Пленума ВС РФ от 4 мая 1990 г. разъяснением: «Если предъявление требования о пере-

даче чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера сопровождаются неконкретизированной, неопределенной угрозой, но подразумевающей со стороны виновного физическую расправу над потерпевшим и / или его близкими и которая воспринимается реально, с учетом всех обстоятельств по делу, должна оцениваться как угроза применения насилия»; 2) изложения диспозиции ч. 1 ст. 163 УК РФ в редакции: «Вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые потерпевший либо его близкие желают сохранить в тайне».

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВА ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЕМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ

И.В. Ботвин

Вопрос о понятии, видах и значении предмета преступления активно дискутируется в науке уголовного права. Воздействие на определенный предмет, вещь, а также их физические изменения наряду с другими признаками деяния позволяют во многих случаях судить о характере преступления, его общественной опасности.

Особенностью анализируемого деяния является то, что оно не связано с уменьшением стоимости принадлежащих собственнику либо законному владельцу материальных благ, но влечет причинение имущественного ущерба. Следовательно, предмет посягательства, предусмотренного ст. 165 УК РФ, законодательно не ограничен, им может выступать любой объект гражданских прав,

обладающий определенной стоимостью и по поводу которого возникли юридические отношения.

Согласно ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них; нематериальные блага.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, по мнению большинства исследователей, выступает имущество, которое должно характеризоваться следующими признаками: на момент совершения деяния не находится в доле собственника либо законного владельца; подлежит передаче собственнику или законному владельцу в качестве обязательных платежей или оплаты оказанных услуг в соответствии с законом или договором; отчуждение этого имущества не изменяет стоимостных параметров ценностей потерпевшего, хотя стоимость имущества должна быть увеличена в соответствии со стоимостной оценкой посягательства.

Законодательного определения понятия имущества в гражданском праве не дается, а в нормативно-правовых актах имущество зачастую приравнивается к вещам. Однако в содержание понятия «имущество» помимо вещей могут включаться также и имущественные права.

Под имущественным правом следует понимать субъективное гражданское право, принадлежащее субъекту права, выступающее средством реализации правоохраняемого имущественного интереса, имеющего денежную оценку, приобретаемое на основании сделок либо иных юридических фактов, а также обладающее признаком отчуждаемости.

Для причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием не обязательно, чтобы предмет преступления соответствовал каким-либо особым требованиям. Основным требованием будет являться лишь способность предмета образовывать юридическое отношение в виде обязательства, подлежащее денежной оценке. Поэтому к предмету рассматриваемого преступления возможно относить любые объекты гражданских прав, предусмотренные ст. 128 УК РФ.

Несомненно, действующий ГК существенно расширяет перечень объектов права и включает в него любое имущество, за исключением отдельных видов имущества, которое не может принадлежать гражданам или юридическим лицам. Так, в исключительной собственности государства находятся: государственная казна, золотой запас, алмазный и валютный фонды Российской Федерации и т.д.

Таким образом, с учетом имеющихся точек зрения по предмету преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, целесообразно сделать вывод, что предметом причинения имущественного ущерба является имущество, которое находится в обладании собственника или владельца, а также то имущество, которое должно пополнить фонды собственника или иного владельца. При этом предметом причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием может выступать как движимое, так и недвижимое имущество, овеществленное и не имеющее вещественной формы.

К ВОПРОСУ О ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРНОГО ЗНАКА

И.В. Лозинский

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации имеет место норма, устанавливающая ответственность за незаконное использование товарного знака (ст. 180). Проанализировав обозначенную норму, можно сделать вывод, что она является специальной по отношению к ст. 146 УК РФ, устанавливающей ответственность за нарушение авторских и смежных прав, поскольку товарный знак является интеллектуальной собственностью, аналогичной производству литературы или искусства. Несмотря на это, указанные нормы законодатель отнёс к совершенно различным главам и разделам Уголовного кодекса РФ: ст. 146 – к гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» разд. VII

«Преступления против личности»; ст. 180 – к гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» разд. VIII «Преступления в сфере экономики». Обозначенная ситуация свидетельствует о серьёзных недостатках действующего уголовного законодательства.

В связи с этим возникает необходимость дальнейшего совершенствования Уголовного кодекса РФ. На наш взгляд, в исследуемой ситуации не исключается и декриминализация незаконного использования товарного знака. Следует отметить, что в результате указанной декриминализации для борьбы с фактами незаконного использования чужого товарного знака может применяться только ст. 146 УК РФ. При этом применение её окажется возможным лишь по аналогии, что будет противоречить принципу законности, отражённому в ст. 3 УК РФ. Одновременно в результате декриминализации незаконного использования товарного знака вне уголовно-правовой охраны окажутся и экономические отношения, базирующиеся на принципе добросовестной конкуренции.

Таким образом, исключение из отечественного уголовного законодательства нормы, устанавливающей ответственность за незаконное использование товарного знака, способно привести к появлению в нём пробелов. Во избежание этого для решения обозначенной проблемы законодателю следует выбрать наиболее оптимальное направление. Данное направление, по нашему мнению, с одной стороны, может представлять собой дополнение ст. 146 УК РФ отдельными частями, устанавливающими ответственность за незаконное использование чужого товарного знака. С другой стороны, оно может представлять собой и дополнение гл. 19 Уголовного кодекса РФ отдельной нормой, устанавливающей ответственность за совершение данного деяния¹. Вне зависимости от того, по какому из приведённых направлений пойдёт законодатель, окажется частично решённой и проблема освобождения гл. 22 Уголовного кодекса РФ от норм,

---

¹ Предлагаемое направление решения исследуемой проблемы основывается на положениях Федерального закона РФ от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, относящих нормы, устанавливающие уголовную ответственность за контрабанду оружия и наркотических средств (ст. 226.1, 229.1 УК РФ), к главам Уголовного кодекса РФ, устанавливающим ответственность за незаконный оборот оружия и наркотических средств.

устанавливающих ответственность за совершение преступлений, не являющихся экономическими. Поэтому ранее обозначенные направления реформирования отечественного уголовного законодательства представляют собой не просто механический перенос конкретной нормы из гл. 22 УК РФ в другую его главу.

Следует заметить, что в результате обозначенного реформирования у законодателя появится возможность более точного определения направлений как криминализации деяний, посягающих на общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности, так и декриминализации деяний, посягающих на указанные отношения. Одновременно в результате его гл. 22 Уголовного кодекса РФ составят нормы, единственная задача которых заключается в охране от преступных посягательств обозначенных отношений.

НАВЯЗЫВАНИЕ ИСКАЖЕННОЙ МОДЕЛИ ЛИБЕРАЛИЗМА КАК ПРЕСТУПНЫЙ СПОСОБ РАЗРУШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

С.А. Капитонов

Заимствование нашим государством позитивного зарубежного опыта государственного обустройства в какой-то мере неизбежность. Правда, при соблюдении некоторых условий. Одно из них – его очевидная польза там, где он был накоплен. Другое – его применимость к нашим реалиям. Третье – свобода выбора из всего разнообразия его вариантов, самого пригодного и применимого у нас.

Любое государство гарантией собственной жизнеспособности имеет беспрепятственность проявления собственной власти в собственном юридическом пространстве и незыблемость собственного суверенитета. Воля народа, воплощенная в закон, проявляется при этом как гарантированная конституционно закрепленным государственным устройством воля избирателей. Профессиональное и юридически полноценно реализуемое гарантирование такой воли является проявлением государственности.

Навязывание искаженной модели либерализма, проявляемое как принуждение к обязательному следованию ей, выполняет в рассматриваемой конструкции роль умысла, направленного против нашего суверенитета. Мотив реализации этого умысла – беспрепятственное получение доступа к нашим ресурсам и нашему пространству. Способ реализации этого мотива – разрушение государственности.

Сравнение классической и искаженной модели либерализма, называемой «неолиберализм», как и политическая, а также экономическая оценка его последствий даны академиком Е.М. Примаковым в его резонансном выступлении на тему «Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолибералов» на заседании клуба «Меркурий» 13 января 2014 г.

Юридически искажение классической модели либерализма влечет блокирование проявления принципа публичности, нарушающее адекватное проявление государственности. Суть такого последствия – уравнивание юридического значения индивидуума и государства.

Следствием этого искажения предстает разрушение юридической симметрии взаимоотношений индивидуума и общества. Оно абсолютизирует роль индивидуума и отрицает роль всякого уполномоченного присутствия в юридическом устройстве государства. Формируется иллюзия продуктивности беспредельного проявления воли индивидуума для нашей государственности равно как и вреда от любой деятельности обладателей государственных полномочий.

Итогом этого становится невозможность в нашем государстве гарантирования высшей ценности – прав человека. В результате гипертрофированная индивидуальная воля начинает доминировать над исполнением государственных полномочий. Создание такой ситуации едва ли правомерно.

Создаваемое извне положение губительно для юридических основ государства. Суть её общественной опасности – уход государства из сферы регулирования социально значимых проявлений индивидуальной воли и уход из сферы гарантирования прав человека, обусловленных его пребыванием в юридическом

пространстве государства. Значимым проявлением первого предстает юридическая поддержка иллюзии конструктивности доминирования частной воли в человеческом сообществе, объединенном в государство, причем не всякой, а разрушающей полезную связь между личностью и обществом. Значимым проявлением второго предстает отсутствие государственных гарантий права человека на реализацию его индивидуального созидательного потенциала.

Таким образом, по признакам противоправности, виновности и общественной опасности навязываемый извне неолиберализм по своему существу преступен.

ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ ВРАГУ КАК ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Д.А. Савченко

В последние годы в уголовном законодательстве России произошел ряд изменений, вызвавших критические оценки представителей юридической науки. Отмечается искусственный характер криминализации некоторых деяний и необоснованность появления в УК ряда новых составов преступлений. В этой связи актуальной становится проблема определения критериев обоснованности, необходимости и справедливости установления уголовной ответственности за те или иные деяния.

Одним из методов выявления форм человеческого поведения, нуждающихся именно в уголовно-правовом запрете, является исторический метод. Он основан на том, что деяния, действительно заслуживающие уголовного наказания, выделялись в качестве таковых уже на первых этапах существования государства и в последующем сохранялись в уголовном праве на протяжении всей его истории. Задача исследователя заключается в выявлении таких «естественных» преступлений и отграничении их от деяний, криминализация

которых в тот или иной период носила временный характер, а значит, возможно, была осуществлена без достаточных оснований.

Применение данного подхода к исследованию государственных преступлений позволяет установить, что исторически первым их видом в русском законодательстве было оказание помощи врагу. Оно называлось «перевет» и нашло отражение в Псковской Судной грамоте 1462 г.

В древнерусском языке слово «перевет» означало, прежде всего, «тайную передачу известий», а словосочетание «перевет держати, имети к кому-либо» – «быть в тайных сношениях с кем-либо»¹. При этом социальная и правовая оценка перевета зависела от того, с кем или на кого «держал перевет» тот или иной человек. Перевет «с недругом» или перевет «на своих» заслуживали осуждения. Псковская Судная грамота говорит именно о таком перевете, который противоречил основным, жизненно важным интересам города-государства, связанным, прежде всего, с обеспечением его безопасности. Перевет был государственным преступлением в том смысле, что он посягал на интересы безопасности всего государственно организованного псковского общества (т.е. государства в широком смысле слова), а не только на интересы его отдельных представителей, в том числе и наделенных публичными властными полномочиями (князя, посадника и др.).

Тот факт, что исторически первым видом государственных преступлений в Древней Руси стал перевет, не является для всемирной истории права уникальным. Правовые нормы о наказании за помощь врагу, как правило, возникали уже на достаточно ранних этапах формирования государственности. Схожая ситуация наблюдалась, в частности, в Древнем Риме. Первыми государственными преступлениями здесь были преступления «*perduellio*», т.е. «дурная, плохая война» или «война против римского народа». Слово «*perduellis*» (от *per* – очень и *duellis* – враг) служило для обозначения как врага, так и того гражданина, который действовал вместе с врагом.

---

¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 6. М., 1988. С. 367; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1989. С. 218.

Таким образом, тайное оказание информационной и иной помощи врагу (перевет) стало первой разновидностью государственных преступлений, упомянутой в письменных источниках русского законодательства. При этом, как свидетельствуют летописи, Псковская Судная грамота не создавала новый состав преступления. Она, скорее, отразила криминологическую реальность того времени – т.е. достаточно устойчивую распространенность таких преступлений, которая требовала соответствующих правил реагирования на них со стороны правосудия. Ответственность за подобные деяния сохранялась на протяжении всей истории отечественного уголовного права.

ОТГРАНИЧЕНИЕ ХАЛАТНОСТИ ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

М.А. Тыняная

С объективной стороны халатность представляет собой преступление, которое может быть совершено только путем бездействия. Злоупотребление должностными полномочиями (ч. 1 ст. 285 УК РФ) есть использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы. Исходя из законодательного определения злоупотребления должностными полномочиями, это преступление может быть совершено только путем действия. «При неисполнении должностным лицом обязанностей по службе трудно говорить об использовании полномочий, скорее это будет их неиспользование вопреки интересам службы»¹. Однако Верховный Суд РФ разъяснил, что ответст-

---

¹ Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 142; Яни П.С. Разграничение должностного злоупотребления и превышения должностных полномочий // Законность. 2007. № 12 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

венность по ст. 285 УК РФ наступает также за *умышленное неисполнение должностным лицом своих обязанностей*¹.

Превышение должностных полномочий представляет собой совершение должностным лицом *действий, явно выходящих за пределы должностных полномочий*. В уголовно-правовой литературе существует точка зрения, что превышение должностных полномочий может быть совершено и путем бездействия. Существенные неясности в этом вопросе ведут к *сложностям в квалификации умышленного невыполнения должностным лицом своих обязанностей*². Действительно, возникает вопрос, как квалифицировать бездействие должностного лица при отсутствии корыстной и иной личной заинтересованности? Изучение судебной практики и уголовно-правовой литературы показывает, что эта проблема решается двумя способами. Во-первых, умышленное бездействие должностного лица квалифицируется как халатность³, во-вторых, бездействие должностного лица правоприменитель, авторы в уголовно-правовой литературе представляют как действие⁴. Такое понимание объективной стороны злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, халатности, полагаем, некорректно. Что-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

² *Шиханов В.Н.* Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 82.

³ Московский городской суд изменил приговор, переквалифицировал бездействие Ф. и Х. с ч. 1 ст. 285 УК РФ на ч. 1 ст. 293 УК РФ, поскольку «суд ошибочно квалифицировал бездействие и неисполнение Ф. и Х. своих обязанностей, как использование ими своих служебных полномочий вопреки интересам службы, из иной личной заинтересованности... Придя к правильному выводу о том, что Ф. и Х. не выполнили свои служебные обязанности, опасаясь осуществления высказанных в их адрес угроз, суд неправильно расценил это в качестве их иной личной заинтересованности» (см.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 21.08.2013 № 10-6809 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та).

⁴ См., например: *Яни П.* Укрытие преступлений от учета: действие или бездействие? // Законность. 2008. № 2. С. 10–12.

бы избежать сложностей в квалификации умышленного неисполнения должностным лицом возложенных на него обязанностей, полагаем, необходимо предусмотреть в гл. 30 УК РФ ответственность за бездействие власти.

Халатность с субъективной стороны – неосторожное преступление, злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий – преступления умышленные. Проблема состоит в том, что субъективная сторона халатности имеет сложное наполнение. Она включает отношение виновного к бездействию и его общественно опасным последствиям. Отношение должностного лица к неисполнению обязанностей может иметь разные формы. В одном случае должностное лицо намеренно, осознанно не исполняет свои обязанности, в другом – забывает о необходимости совершить те или иные действия по службе, т.е. не осознает, что нарушает возложенные на него обязанности. Изучение судебной практики показывает, что чаще всего имеет место как раз осознанное неисполнение должностным лицом своих обязанностей. При этом не исключается, что должностное лицо не исполняет их с целью получения имущественной выгоды или выгоды нематериального характера (корыстная или иная личная заинтересованность).

Таким образом, отграничение халатности от злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, учитывая законодательное определение этих преступлений, можно провести только в зависимости от отношения виновного к общественно опасным последствиям деяния.

СООТНОШЕНИЕ ПОСОБНИЧЕСТВА И ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

А.В. Шеслер

Выделение в уголовном законе отдельного состава преступления в виде посредничества во взяточничестве (ст. 291-1 УК РФ) явилось неудачным использованием исторического законодательного опыта (ст. 118 УК РСФСР 1926 г., ст. 174-1 УК РСФСР 1960 г.), так как

возродило имевшуюся в прошлом проблему конкуренции между уголовно-правовыми нормами о посредничестве во взяточничестве и соучастии в нем, прежде всего пособничестве в этом преступлении. В судебной практике отличие посредничества во взяточничестве от соучастия в нем сводилось к тому, что посредник непосредственно только передает предмет взятки¹. В литературе одни исследователи поддерживали позицию судебной практики и отмечали, что посредник в отличие от иных соучастников выполняет только техническую функцию передачи предмета взятки². Другие исследователи полагали, что посредничеством во взяточничестве является любое содействие в даче или получении взятки³.

Редакция ст. 291-1 УК РФ свидетельствует о том, что законодатель только взял за основу последнюю научную позицию. На первый взгляд, такое определение посредничества охватывает все проявления пособничества в получении или даче взятки. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» обошел молчанием вопрос об отличии посредничества во взяточничестве от соучастия в нем, полагая, что этот вопрос не вызывает сложности. Косвенно свою позицию на посредничество во взяточничестве как на пособничество в получении или даче взятки Пленум Верховного Суда РФ выразил в п. 28 указанного постановления. В частности, в нем отмечается, что работник, выполнивший поручение должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, передать взятку должностному лицу, несет уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве. Однако за аналогичные

---

¹ См. п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. № 16 (с изменениями) «О судебной практике по делам о взяточничестве» (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1977. № 6; 1984. № 4); п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о взяточничестве» (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1990. № 3).

² См., например: *Ляпунов Ю.И.* Должностные преступления. Киев, 1988. С. 94–95.

³ См.: *Здравомыслов Б.В.* Должностные преступления. Понятие и квалификация. М., 1975. С. 151–153; *Светлов А.Я.* Ответственность за должностные преступления. Киев, 1978. С. 235–236.

действия по передаче незаконного вознаграждения лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, такой работник, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, несет ответственность по ч. 5 ст. 33 и ч. 1 или ч. 2 ст. 204 УК РФ¹.

На наш взгляд, несмотря на обширное определение посредничества во взяточничестве в ст. 291-1 УК РФ, проблема его отграничения от пособничества, а также иных видов соучастия во взяточничестве существует. В частности, возникает проблема квалификации действий посредника в получении и даче взятки в незначительном размере, действий лица, заранее обещавшего скрыть лиц, участвовавших во взяточничестве, средства или орудия совершения взяточничества, следы взяточничества, предмет взятки, а также действий лица, заранее обещавшего приобрести или сбыть такой предмет. На наш взгляд, эти действия являются пособничеством в получении или даче взятки и охватываются ч. 5 ст. 33 УК РФ и ст. 290 или ст. 291 УК РФ. Возникает также проблема отграничения обещания или предложения посредничества во взяточничестве от подстрекательства, так как они пособничеством не охватываются (ч. 5 ст. 33 УК РФ) и могут быть способом склонения к получению или даче взятки, т.е. образовывать действия подстрекателя (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Полагаем, что возникшие проблемы можно решить, исключив из УК РФ ст. 291-1, так как правовые основания для привлечения к уголовной ответственности соучастников взяточничества определены в ст. 33 УК РФ.

СИСТЕМА ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С.М. Будатаров

Система должностных преступлений состоит из пяти уголовно-правовых запретов, охватывающих всевозможные способы противоправного использования власти во вред обществу. Вред обществу причиняется тогда, когда должностное лицо принимает властные

---

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

решения и совершает властные действия вопреки долгу службы. Долг службы обязывает чиновника действовать и принимать решения разумно, добросовестно, беспристрастно, бескорыстно, справедливо.

Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) суть не разумные действия должностных лиц. Из всех обязанностей по службе обязанность разумного применения власти самая обширная и, пожалуй, самая трудная для понимания категория служебного поведения. Но идентифицировать её можно, если знать, что она там, где есть усмотрение. Яркий пример – применение оружия. Законодатель указывает, что сотрудник полиции обязан предупредить правонарушителя о намерении применить оружие. В то же время сотрудник может не предупреждать, если промедление в его применении создаст непосредственную угрозу жизни и здоровью гражданина или сотрудника полиции либо может повлечь иные тяжкие последствия (ст. 19 Федерального закона от 07.02.2011 «О полиции»). В конечном счёте решение о применении оружия зависит только от разумной оценки ситуации сотрудником полиции.

Халатность (ст. 293 УК РФ) преследует любое недобросовестное поведение должностных лиц. Лень, разгильдяйство, нерадивость и другие формы неисполнения сотрудниками полиции, пожарными инспекторами, работниками санитарно-эпидемиологических и других служб возложенных на них обязанностей приводят к трагедиям, катастрофам, жертвам. Во многих правовых актах эта обязанность включена в текст присяги (ст. 10 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 «О Конституционном Суде Российской Федерации», ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 21.07.1997 «О службе в таможенных органах Российской Федерации»).

Получение взятки (ст. 290 УК РФ) преследует всякое корыстное поведение должностных лиц. Чиновники получают зарплату и обязаны совершать действия в отношении частных лиц безвозмездно. Иное поведение является прямым нарушением законов, требующих от служащих отказываться от каких-либо вознаграждений, предлагаемых в связи с исполнением ими должностных обязанностей (подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 «О государст-

венной гражданской службе Российской Федерации», ст. 9 Федерального закона от 25.12.2008 «О противодействии коррупции»).

Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) ограждает общество от пристрастного (необъективного, тенденциозного, предвзятого) поведения чиновников. В законодательстве о службе это выражается, например, в запрете использовать в целях, не связанных с исполнением должностных обязанностей, средств материально-технического и иного обеспечения, государственного имущества, а также его передачу другим лицам (подп. 8 п. 1 ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 «О государственной гражданской службе Российской Федерации»).

Защиту общества от несправедливых действий и решений должностных лиц обеспечивает группа норм, предусмотренных гл. 31 УК РФ (ст. 299 «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности», ст. 303 «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности», ст. 305 «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта»). В этой главе мы видим частные случаи несправедливых решений. Есть основания утверждать, что назрела необходимость введения уголовно-правового запрета, преследующего несправедливое решение всякого чиновника.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ (ПРИНЦИПЫ) УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

С.В. Чубраков

Общая системная характеристика уголовно-исполнительного права как самостоятельной системы (вещи), в частности, установление в качестве его минимально делимого элемента не правовой нормы, а правового (нормативно-правового) предписания, предполагает выявление и его системообразующих отношений.

Понимание последних как неких связей, реализация которых между первичными элементами вещи (системы) влечет ее появле-

ние, требует описания свойств данных минимально делимых элементов, поскольку согласно общим постулатам философской триады (вещь, свойство, отношение) и системного подхода они получаются в результате преобразования свойств первичных элементов при их проецировании друг на друга.

Уголовно-исполнительные предписания обладают следующими свойствами: социальная обусловленность, формальная определенность, нормативность, взаимообеспеченность, порождаемость, тяга к объединению, направленность на регулирование уголовно-исполнительного отношения или его части, а также установленность госорганами РФ федерального уровня. Безусловно, не все из данных свойств будут участвовать в формировании системообразующих отношений такой системы, как уголовно-исполнительное право.

Переходя к характеристике подобных отношений, следует обратить внимание на то, что для уголовно-исполнительного права типичными (так же, как и для любой иной гомогенной, совокупной системы) будут в первую очередь общесистемные отношения соединения (конъюнкции) уголовно-исполнительных предписаний по отношениям тождества их свойств (возникающие в результате преобразования свойств уголовно-исполнительных предписаний в виде тяги к объединению). Так, совершенно очевидно, что к уголовно-исполнительному праву должно быть отнесено любое правовое предписание, обладающее свойствами уголовно-исполнительного.

Эти отношения соединения будут дополняться, по нашему мнению, иными системообразующими отношениями, типичными как для уголовно-исполнительного права РФ, так и для российского права в целом. В качестве первых будут выступать отношения направленности на регулирование уголовно-исполнительных отношений (возникающие в процессе преобразования тождественных по наименованию свойств уголовно-исполнительных предписаний). В качестве вторых – отношения взаимообеспечения (также возникающие из идентичных по названию свойств) и отношения упорядоченности (в образовании которых, полагаем, участвуют прежде всего свойства социальной обусловленности).

Что касается отношений взаимообеспеченности, то любое предписание, не состоящее в них, не может быть оценено как правовое в

строгом смысле этого слова. При этом свойство правового предписания в виде взаимообеспеченности проявляется в необходимом обеспечении одного предписания другими предписаниями (как минимум, двумя, которые на первоначальном уровне будут его гипотезой и санкцией). Свойство взаимообеспеченности проявляется и в одновременной способности правового предписания обеспечивать другие предписания, выступая в иных отношениях при формировании разных видов правовых норм их гипотезой или санкцией. Немаловажно, что нахождение правовых предписаний в отношениях взаимообеспечения не ограничивается рамками исключительно уголовно-исполнительного права. Это отношение гораздо шире и может реализовываться в межотраслевом «пространстве». Кроме того, свойство взаимообеспеченности проявляется и на иных, более общих уровнях взаимодействия правовых предписаний (например, это применимо к группам правовых предписаний в виде правовых институтов).

Что касается отношений упорядоченности, то они могут иметь различные варианты проявления (и отношения «взаимопомощи», и отношения согласованности, непротиворечия друг другу, и отношения соподчинения, иерархического подчинения, и отношения неналожения друг на друга и др.). Причем это обусловлено не только тем, что данные отношения сами довольно разнообразны по своему содержанию, но и тем, что уголовно-исполнительные предписания могут и должны находиться в этих отношениях не только с другими предписаниями в рамках данной отрасли, но и со множеством иных, не уголовно-исполнительных предписаний.

Отдельные проблемы реализации таких системообразующих отношений уголовно-исполнительного права и российского права в целом, как взаимообеспеченность и упорядоченность, тесно связаны с определением границ уголовно-исполнительных отношений с границами иных «смежных» отраслей.

Таким образом, в качестве общего принципа (при понимании его как системообразующего отношения) уголовно-исполнительного права будет выступать, по нашему мнению, принцип соединения его предписаний по отношениям тождества их свойств. Конкретным же принципом, характерным именно для уголовно-исполнительного

права, будет направлена на регулирование уголовно-исполнительных отношений. При этом уголовно-исполнительному праву свойственны и общеправовые принципы взаимообеспеченности и упорядоченности.

Очевидно, что все отмеченные выше принципы характеризуют в основном «техничко-юридические» аспекты взаимодействия элементов данной отрасли (типичные в целом и для иных групп, объединений правовых предписаний), не вскрывая сущностных, характерных для предписаний этой группы особенностей. Это актуализирует необходимость установления принципов иных категорий, в частности, уголовно-исполнительного регулирования, которые способны раскрыть сущностные особенности уголовно-исполнительных предписаний.

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

А.Д. Никитин

В Федеральном законе «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Закон), его цели не названы, хотя в ст. 2 перечислены его задачи. Это предупреждение совершения лицами, указанными в Законе, преступлений и других правонарушений, оказание на них индивидуального профилактического воздействия.

Представляется, что в ст. 2 названного Закона закреплены как цели, так и задачи. Поэтому к целям административного надзора в самом общем виде, безусловно, можно отнести предупреждение преступлений. Но исходя из категории поднадзорных (освобожденных из мест лишения свободы), можно вести речь о его направленности именно на предупреждение рецидива преступлений (в его криминологическом значении).

Известно, что в науке уголовного права предупреждение преступлений как цель традиционно рассматривается в двух аспектах: общее (общая превенция) и частное предупреждение (специальная превенция).

Несомненно, характер устанавливаемых поднадзорному правоограничений состоит прежде всего в цели лишения (затруднения) его возможности совершить новое преступление. Отсюда к целям административного надзора следует отнести именно цель частного предупреждения преступлений. Поскольку степень и механизм устрашающего воздействия административных ограничений крайне невелики, административный надзор не может достигать цели общего предупреждения преступлений.

Однако в ст. 2 Закона речь идет о предупреждении не только преступлений, но и **иных правонарушений**. Следовательно, актуален вопрос, относится ли предупреждение иных правонарушений к целям административного надзора. Ответ на него может быть только отрицательным. И поэтому прав А.С. Бондаренко, писавший, что «административный надзор по своим объективным свойствам способен предупреждать непроступное антисоциальное поведение. Но когда мы говорим о цели этого института, то имеем в виду не любой полезный результат, который может иметь место при его реализации, а его главное социальное назначение. Главное же социальное назначение административного надзора состоит в предупреждении рецидивных преступлений»¹. В этой связи упомянутая выше формулировка не совсем удачна. Более обоснованно именовать ст. 2 Закона как «Цели административного надзора», а в содержании данной статьи указать цель административного надзора именно как предупреждение рецидива преступлений либо просто как предупреждение «новых преступлений».

Иные цели ныне административному надзору не свойственны. Известно, что на стадии подготовки законопроекта «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» предлагалось отнести к его целям оказание воспитательного воздействия, помощи при социальной реабилитации и интеграции в обществен-

---

¹ Бондаренко А.С. Социальное назначение административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вопросы теории и практики предупреждения преступлений: межвуз. сб. Барнаул, 1986. С. 24.

ную жизнь¹. Совершенно обоснованно, на наш взгляд, данная поправка была отклонена, поскольку посредством устанавливаемых в отношении поднадзорного ограничений нельзя достичь его социальной адаптации. Уместно говорить в данном случае лишь о сужении дальнейшей дезадаптации поднадзорного, и только в случаях, когда предполагается отрицательное влияние на него тех условий, в которых его пребывание ограничено.

ПРИНЦИП ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЙ

А.А. Пропостин

В настоящее время прогрессивная система исполнения уголовных наказаний построена без должного учета принципа дифференциации, что влечет за собой целый ряд негативных последствий. Рассмотрим их на примере улучшения положения осужденного в период отбывания наказания.

Прежде всего следует отметить, что отсутствие дифференциации ведет к тому, что к разным группам осужденных применяется стандартный «набор» элементов прогрессивной системы. К примеру, при хорошем поведении вне зависимости от наличия или отсутствия в действиях лица рецидива преступлений, вида исправительного учреждения, в котором он отбывает наказание (колонии общего, строгого или особого режима), он имеет одинаковые стимулы: возможность изменения условий отбывания наказания или вида исправительного учреждения. Кроме того, у всех осужденных по истечении определенного времени появляется возможность замены наказания и условно-досрочного освобождения. При этом осужденному вовсе не

---

¹ См.: Таблица поправок, рекомендуемых Комитетом Государственной думы по безопасности к отклонению [Электронный ресурс] // Приложение № 2 к проекту Федерального закона № 151943-4 «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Официальный сайт Государственной думы РФ. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(SpravkaNew\)?OpenAgent&RN=151943-4&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(SpravkaNew)?OpenAgent&RN=151943-4&02).

обязательно поэтапно проходить все элементы прогрессивной системы (например, сначала изменение условий отбывания наказания, затем вида исправительного учреждения или условно-досрочное освобождение).

Существующая система стимулов представляется не вполне справедливой, поскольку как «положительные», так и «отрицательные» осужденные находятся в равных условиях. В этой связи представляется, что в зависимости от предыдущего преступного поведения осужденного прогрессивная система должна строиться следующим образом. Лица, впервые совершившие преступление, могут проходить не все этапы прогрессивной системы, например, смогут быть условно-досрочно освобождены вне зависимости от вида условий и режима. Лица, совершившие преступление при рецидиве, смогут получить возможность замены наказания более мягким или условно-досрочного освобождения только находясь в облегченных условиях. При опасном и особо опасном рецидиве – в колониях-поселениях. Данный подход позволит учитывать не только изменение личности осужденных во время отбывания наказания (как в настоящее время), но и их предшествующее преступное поведение.

Кроме того, дифференцированный подход должен сузить границы усмотрения правоприменителя при применении той или иной ступени прогрессивной системы. В итоге уже на уровне закона будут установлены более четкие критерии для изменения положения осужденного, что в перспективе позволит рассматривать переход осужденного с одной ступени на другую как его право, которому будет корреспондировать соответствующая обязанность правоприменителя. Иными словами, прогрессивную систему можно будет рассматривать как определенную систему правоотношений, а не как некий законный интерес.

Деление осужденных на категории по определенным признакам позволит установить для каждой из них оптимальный комплекс стимулов. Очевидно, что взрослые и несовершеннолетние осужденные требуют в этом смысле разного подхода.

Перечень таких стимулов можно будет расширить за счет включения в него тех, которые относятся не только к процессу отбывания

наказания, но и применению постпенитенциарных мер (например, возможность неприменения административного надзора).

Следует отметить, что дифференциацию осужденных с целью совершенствования прогрессивной системы отбывания наказаний предлагается проводить на основе уже существующего деления осужденных (совершеннолетние и взрослые, совершившие преступление впервые и при рецидиве, и т.д.).

ОБ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ САНКЦИЙ

В.А. Уткин

В последнее время не без оснований ставится вопрос о корректировке принятой в 2010 г. Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция). Во многом и потому, что многие ее важные, если не определяющие положения в свое время не были должным образом научно обоснованы.

Понятно, что предполагаемая корректировка в первую очередь затронет те аспекты Концепции, которые связаны с наказанием в виде лишения свободы, ведь критика провозглашенной ею всеобщей «тюрьмизации» уголовно-исполнительной системы давно стала общим местом в трудах ученых, в рассуждениях политиков, выступлениях средств массовой информации.

В этом отношении наказания и иные уголовно-правовые санкции, не связанные с реальным решением свободы, пока находятся на втором плане: не секрет, что и они, и органы, их исполняющие, исторически долгое время пребывали на положении «пасынков» уголовно-исполнительной системы. Однако за последние годы положение существенно изменилось. Достаточно сказать, что в судебной практике последних пяти лет альтернативные лишению свободы наказания, условное осуждение, отсрочка применялись примерно к 70% осужденных. По числу заключенных на 100 тыс. населения Рос-

сия в 2014 г. занимает уже не второе (как в 2001 г.), а восьмое место в мире. Тем не менее дальнейшее продвижение уголовной и уголовно-исполнительной политики по пути либерализации (которую, на наш взгляд, не вполне корректно именуют «гуманизацией») уже невозможно без качественных изменений в самой системе наказаний и повышения эффективности пополнения альтернативных мер.

Судя по содержанию Концепции, ее авторы были не очень знакомы с реальными проблемами альтернативных санкций. В соответствующем разд. 5 Концепции, помимо общих фраз о необходимости эффективного применения наказаний, альтернативных лишению свободы, в числе основных путей достижения этой цели указаны «расширение перечня» таких наказаний, усиление социальной направленности деятельности уголовно-исполнительных инспекций, привлечение к исправлению осужденных общественности, органов местного самоуправления и т.д. Главное место в данном разделе уделяется вопросам «технократического» свойства (электронный мониторинг) и организационно-штатным аспектам деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Кроме того, провозглашается организация специальной «службы пробации» для создания условий постепенной адаптации освобожденных.

Тем не менее органичной составляющей процесса корректировки Концепции должно стать подлинно научное обеспечение применения не только лишения свободы, но и альтернативных санкций. И прежде всего при условии установления реального уровня их эффективности на основе общегосударственных данных о криминологическом рецидиве, причем не отягощенных «рейтинговыми» значениями и возможными организационно-штатными выводами.

Кардинальное совершенствование системы альтернативных санкций должно начаться уже с Уголовного кодекса, с установленной в ст. 44 УК системы наказаний. Причем не за счет «расширения их перечня», как это провозглашено в Концепции, а напротив – посредством сужения круга альтернатив по принципу необходимой достаточности.

Как ни парадоксально, но дальнейшему сокращению применения реального лишения свободы и тем самым либерализации уголовной политики в целом способствовало бы повышение репрессивности

существующих альтернативных мер (например, дальнейшее увеличение максимального количества часов при обязательных работах). Указанное обстоятельство с неизбежностью актуализирует проблему «прогрессивной системы» исполнения (отбывания) альтернативных наказаний, которая ныне во всей ее целостности остается вне научного анализа.

Очевидно, что расширение различных (в том числе электронных) форм контроля за осужденными не самоцель, а средство, в конечном счете – средство предупреждения криминологического рецидива. В этой связи на первый план выходят проблемы научных методик индивидуального прогнозирования поведения осужденных, выделения на этой основе так называемых «групп повышенного риска» как нуждающихся в повышенном внимании уголовно-исполнительных инспекций.

Повышение роли последних во своей уголовно-исполнительной системе требует научного обоснования путей развития их правового статуса и, что не менее важно – правового статуса их сотрудников. Ведь они в последнее время все чаще наделяются непосредственно властными полномочиями (задержание, доставление, розыск и т.д.).

Наконец, указанные обстоятельства требуют от науки более глубоких исследований правового статуса осужденных без лишения свободы, формирования и более детального закрепления гарантий их прав и законных интересов.

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ В ПРОЕКТАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА НА РУБЕЖЕ 1990-Х ГОДОВ

А.Г. Антонян

В современный период в уголовно-исполнительной науке пока не сложилось и общепризнанного понятия оценочной категории, а

практически все неопределенные, абстрактные, неясные и расплывчатые понятия закона стали причислять к оценочным¹.

В этом плане широкий познавательный интерес представляют различные версии проектов Уголовно-исполнительного кодекса РФ, предлагаемые на рубеже 1990-х годов в рамках кодификации уголовно-исполнительного законодательства. Их сравнительный анализ дает основания полагать, что большинство оценочных понятий, использовавшихся в ИТК РСФСР 1970 г., встречаются практически во всех предлагавшихся законопроектах в неизменном виде.

С одной стороны, это объясняется тем, что у науки пенитенциарной системы России на тот момент было огромное количество иных проблем. Большая их часть была рассмотрена и описана А.И. Зубковым и другими авторами², но никто не уделил должного внимания оценочным понятиям.

Первым более-менее систематизированным проектом нового уголовно-исполнительного кодекса становится доктринальная модель Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик³. В отличие от действовавших Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик 1969 г. данная модель предусматривала законодательную регламентацию общих положений, порядка и условий исполнения всех видов наказания, а также применения иных мер уголовно-правового воздействия на осужденных (отсрочка исполнения приговора, условное осуждение). Считалось, что разработка и принятие именно такого закона существенно повысило бы его воспитательные возможности, так как все виды наказаний и иных мер уголовно-

---

¹ *Лакеев А.А.* Оценочные понятия в исправительно-трудовом законодательстве // Проблемы исполнения уголовных наказаний. Рязань: РВШ МВД РФ, 1991. С. 77.

² См. подробнее: *Зубков А.И.* Концепция перестройки исправительно-трудовой деятельности в СССР на современном этапе. Рязань, 1989. 28 с.; Основные направления социальной переориентации исправительно-трудовой системы («ИТС-2000»). М.: ГУИД ВНИИ ВИПК МВД СССР, 1989. 21 с.

³ Доктринальная модель Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик // Воспитание и правопорядок. 1988. № 11. С. 31–59.

правового воздействия соединяются с воспитательными мерами различного характера¹.

Это все не могло не повлиять и на содержание оценочных понятий в тексте данной доктринальной модели. В законодательном плане применение оценочных понятий в Основах 1969 г. могло касаться только четырех видов наказаний, здесь же предполагалось значительное расширение сфер их применения. Забегая вперед, отметим, что во всех проектах нового Уголовно-исполнительного кодекса содержание оценочных понятий примерно одинаковое. Такие оценочные термины, как «добросовестное отношение к труду», «общественно полезный труд», «хорошее поведение» и «честное отношение к труду», «злость», «необходимые условия (случаи)», можно встретить в двух новых разделах, предлагаемых доктринальной моделью. Но они встречались и в ИТК РСФСР 1970 г., и в Основах 1969 г. Это говорит о том, что авторы текста доктринальной модели не уделяли должного внимания корректировке оценочных понятий в новых социально-экономических условиях, не говоря уже о системном подходе к внесению изменений, связанных с ними, в текст проектов законов.

Данная тенденция, имеющая истоки в доктринальной модели Основ уголовно-исполнительного законодательства СССР и союзных республик 1988 г., просматривается во всех вариантах законопроекта, предложенных до принятия УИК РФ 1997 г. Таким образом, можно судить о тенденции расширения сферы применения оценочных понятий, связанной с расширением законодательного регулирования тех мер, которые раньше не входили в предмет законодательного регулирования.

Наибольшее развитие оценочные понятия в том виде, который остался и на данный момент, получили в эпоху становления советского государства и практически в неизменном виде перешли из Основ ИТЗ 1969 г. и ИТК РСФСР 1970 г. Впоследствии в процессе реформирования при составлении проектов УИК РФ проблеме нали-

---

¹ Доктринальная модель Основ уголовно-исполнительного законодательства... С. 31.

чия оценочных понятий в тексте уголовно-исполнительного закона должного внимания уделено не было.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ «ПРОДАЖНОСТИ» ИЗБИРАТЕЛЕЙ

И.А. Зырянова

В настоящее время одним из широко распространенных способов незаконного искажения результатов выборов кандидатами, политическими партиями и их избирательными штабами стал подкуп избирателей. За него предусмотрена административная (ст. 5.16 КоАП РФ) либо уголовная ответственность (подп. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ). Однако по данным статьям ответственности подлежат только лица, осуществляющие подкуп избирателей. Сами избиратели не несут никакой ответственности за «продажу» своего конституционного права на участие в управлении государством.

Поэтому в литературе нередко высказываются предложения о криминализации «продажности» самих избирателей.

Нельзя не согласиться, что некоторые основания для установления ответственности за «продажность» избирателей есть. Во-первых, «продажность» избирателей обладает известной степенью общественной опасности, поскольку особенно в небольших территориях позволяет существенно повлиять на результаты выборов. Во-вторых, это явление широко распространенное. В-третьих, такое поведение избирателей имеет характер двусторонней коррупционной сделки. В любой подобной сделке, будь то взяточничество, коммерческий подкуп или подкуп на спортивных соревнованиях, уголовной ответственности подлежат обе ее стороны, причем более строгой ответственности подвергается именно взяточполучатель. В законодательстве некоторых зарубежных стран, «продажность» избирателей отнесена к числу уголовно наказуемых деяний, например УК ФРГ (§108-b), УК Дании (§117) и др.

Однако если при должностном взяточничестве или коммерческом подкупе взяточполучатель четко осознает противоправность

своих действий, то в случаях «продажности» избирателей такое осознание имеет место далеко не всегда. Подкуп избирателей не всегда происходит в очевидной форме, где избирателю передают деньги за голосование определенным образом. Достаточно часто подкуп избирателей осуществляется под видом различной благотворительной деятельности, в иных завуалированных формах. Соответственно многими избирателями вручение кандидатом подарков, оказание услуг имущественного характера в виде организации концертов, праздников и т.п. воспринимается как помощь, демонстрация заботы, но никак не противоправная коррупционная сделка. Кроме того, высокий уровень политической апатичности и недоверие граждан к процессу формирования власти посредством выборов, а также недостаточное материальное обеспечение широких слоев населения не позволяют говорить о наличии в полном объеме такого критерия криминализации, как «целесообразность»

Установление уголовной ответственности за «продажность» избирателей на данный момент представляется преждевременным, но не исключаемым в будущем, когда осознание социальной значимости выборов, а также знание законных форм поведения субъектов избирательного процесса нашими гражданами достигнут необходимого уровня. Достаточным могло бы стать введение административной ответственности за «продажность» избирателей в очевидных формах подкупа.

ОБ УНИФИКАЦИИ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА КРИМИНОЛОГИИ

Н.В. Щедрин

Критика «темных сил», которые недооценивают значение российской криминологии и не учитывают ее рекомендаций, стала в нашем профессиональном сообществе общим местом. Но значительную часть претензий криминологическое сообщество должно адресовать себе. А у нас согласия нет даже в терминологии. Одно и то же понятие мы маркируем разными терминами или, наоборот,

употребляя одинаковые термины, мы вкладываем в них разное содержание. Терминологическая «разноголосица» имеет место практически по любому понятию криминологии, что создает значительные трудности в изучении дисциплины, развитии науки и практическом применении выработанных положений.

Причин терминологической «неустойчивости» несколько. Одна из них состоит в том, что криминология является сравнительно молодой наукой, и большинство понятий и категорий, которыми она оперирует, находятся в стадии становления.

Вторая причина заключается в том, что криминология по своей природе является наукой, систематизирующей достижения в области сдерживания преступности, которые были разработаны в рамках других наук. Модели преступного поведения (преступности) и модели их сдерживания могут быть описаны на языке права, психологии, социальной психологии, социологии, экономики, этики, кибернетики, синергетики, философии... Ведь даже «родителями» криминологии принято считать уголовное право и социологию. А «родственники» со стороны наук правового и наук социологического циклов используют разный понятийно-категориальный аппарат. Отсюда и большой разброс в трактовках как самой преступности, так и методов ее сдерживания: от догматико-правовых до вольносоциологических.

Так было и так будет. «Многоязычие» криминологии закономерно вытекает из ее статуса «обобщающей» и «координирующей» дисциплины и науки. Поскольку «многоязычие» имеет как «плюсы», так и «минусы», перед нами стоит задача усилить позитивные и свести к минимуму негативные аспекты. Не осуждая разность подходов в объяснении феномена преступности, криминологическому сообществу следует серьезно поработать над наведением «терминологических мостов», в том числе и с зарубежной криминологией.

Некоторые криминологи в поиске адекватных терминов их соотношения предлагают использовать лингвистический подход. Очевидно, с точки зрения русского языка между терминами есть различия. Однако семантическое толкование терминов в нашем случае – тупиковый путь. Ведь в словарях русского языка одно спорное понятие определяется через другое.

Единственный выход из этой казалось бы тупиковой ситуации – соглашение. При этом какими словосочетаниями обозначить ключевые понятия криминологии не так уж важно. Главное – уточнить и унифицировать их объем и содержание, а затем однозначно употреблять. В логике для этого существует специальный прием – «терминологическая конвенция»¹, когда стороны договариваются об однозначном употреблении того или иного понятия. Наше предложение «сесть за стол переговоров»², за пятнадцать лет стало еще более актуальным. Почему бы нам, криминологам, не сделать шаг в этом направлении, сформировать оргкомитет, подготовить и провести Всероссийскую конференцию «О терминологической конвенции в криминологии»?

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО АУДИТА³

С.Д. Красноусов

Опыт преподавания в рамках курсов повышения квалификации служащих различных органов власти Красноярского края показывает, что тема антикоррупционного аудита в настоящий момент вызывает значительный интерес у практических работников. Далее будет освещен один из вопросов, который возникает в практической деятельности, а именно вопрос о порядке использования при проведении аудита заключений экспертов⁴ в вопросах противодействия коррупции.

В качестве эксперта аудиторская организация может привлечь

---

¹ *Свинцов В.И.* Логика. М.: Высш. шк., 1987. С. 172.

² *Щедрин Н.В.* Основы общей теории предупреждения преступлений. Красноярск: Краснояр. госуниверситет, 1999. С. 4.

³ В данной работе речь идет только об аудите, проводимом органами государственной и муниципальной власти.

⁴ Экспертом признается не состоящий в штате аудиторской организации специалист, имеющий достаточные знания и (или) опыт в определенной области (по определенному вопросу), отличной от бухгалтерского учета и аудита, и дающий заключение по вопросу, относящемуся к этой области.

специализированную организацию, являющуюся юридическим лицом, либо физическое лицо. Возникает вопрос, кто может быть привлечен в качестве такого эксперта в сфере противодействия коррупции. Исходя из анализа отечественного законодательства, можно говорить о трех вариантах решения такой задачи:

1. Привлечение в качестве эксперта сотрудника отдела, отвечающего за правовую работу в органе, проводящем проверку. Положительным моментом в этом случае является обладание специалистом знаний специфики отношений в проверяемой организации. Однако в таком случае мы столкнёмся со сложностью, которая возникает при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных актов: заключение эксперта будет представлено как заключение правовой экспертизы, что не соответствует целям аудита. Одним из способов снижения указанного выше риска является специальное обучение таких специалистов.

2. Привлечение в качестве экспертов лиц и организации, аккредитованных в качестве независимых экспертов при Министерстве юстиции РФ. Однако принимая подобное решение, мы также должны учитывать, что методика антикоррупционного аудита не разработана на уровне законодательства, а при отсутствии профессионального сообщества экспертов практически невозможно установить степень компетенции такого эксперта.

3. Привлечение в качестве эксперта образовательных учреждений, преимущественно университетов. Полагаем, что этот вариант является оптимальным, так как образовательное учреждение обладает достаточным количеством специалистов в специальных отраслях знаний, обладающих признанной в соответствующем порядке квалификацией (например, порядок присуждения ученых степеней и званий). Образовательное учреждение может принимать решения о том, чтобы по запросу аудитора, исходя из характера и сложности обстоятельств, подлежащих исследованию, уровня их существенности сформировать рабочую группу из представителей различных отраслей знаний (юристов, экономистов и т.д.).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ

Е.А. Акунченко

Любая деятельность в рамках определённой системы подвержена опасности. Возникновение, развитие и прекращение различных правоотношений в ходе конкретного процесса неразрывно связаны с категорией риска. В то же время идентификация, оценка и прогнозирование вероятных неблагоприятных последствий являются необходимыми условиями обеспечения состояния безопасности, поскольку предупреждение, как таковое, по своей природе способно существенно снизить возможность причинения объекту охраны значительного вреда. Общая теория рисков как наука имеет широкое применение в экономической сфере. В настоящее время фундаментально разработаны концепции риск-менеджмента, риск-анализа в предпринимательской сфере, внутреннего аудита и контроля финансовой деятельности коммерческих организаций. Вместе с тем представляется разумным предположить, что ключевые положения теории анализа, моделирования и управления рисками применимы и в рамках правового измерения. В частности, одной из сфер применения, на наш взгляд, мог бы стать избирательный процесс.

Говоря о таком явлении, как риск, следует указать, что ему присущи два существенных признака. Это, прежде всего, вероятностный характер риска, подразумевающий лишь возможность неблагоприятного воздействия, и собственно неблагоприятный характер влияния, негативные последствия осуществления риска, отклонение от планируемого результата в сторону ухудшения¹. Посредством взаимодействия различных факторов и причин риска формируется рисковая ситуация, т.е. обстановка, которая способна препятствовать или способствовать деятельности². Тем самым риск как явление сре-

---

¹ Риск-менеджмент: учеб. пособие / В.С. Ступаков, Г.С. Токаренко. М.: Финансы и статистика, 2005. С. 11.

² Там же. С. 10.

ды неразрывно связан с деятельностью ровно настолько, насколько деятельность связана с риском. Поскольку избирательная кампания – это деятельность, субъектами которой выступают как органы публичной власти, так и физические лица и коллективные образования, она также подвержена рисковому влиянию. В ходе деятельности указанных субъектов происходит принятие решений, от которых напрямую зависит развитие избирательных правоотношений. И поскольку «деятельность» и «риск» – категории, «идущие рука об руку», возникает актуальная потребность разработки и внедрения в избирательный процесс **методики анализа рисков**. Не ставя задачу «здесь и сейчас» предложить готовый механизм анализа рисков в избирательном процессе, остановимся лишь на его ключевых положениях.

К **целям анализа рисков** относятся, прежде всего, формирование у лица, принимающего решения, целостной картины рисков, угрожающих интересам рассматриваемой социально-экономической системы, а также создание баз данных и баз знаний для экспертных систем поддержки принятия решений и обоснование мер по снижению рисков¹. Данные цели, на наш взгляд, в полной мере могут быть установлены для анализа рисков в избирательном процессе.

Среди **субъектов анализа рисков** в избирательном процессе, на наш взгляд, можно выделить избирательную комиссию, т.е. орган государственной или муниципальной власти, своей деятельностью организующий процесс выборов, и кандидата, т.е. лица, непосредственно участвующего в избирательной кампании. Кроме того, в рамках избирательного процесса необходимо уделить особое внимание определению **индикаторов риска**, а также **критериев**, которые необходимо предъявлять к субъектам, принимающим решения в ходе выборов.

---

¹ Общая теория рисков: учеб. пособие / Я.Д. Вишняков, Н.Н. Радаев. 2-е изд., испр. М.: Изд. центр «Академия», 2008. С. 134.

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ В СРЕДЕ МОЛОДЕЖИ

Н.П. Бухарина

Существование коррупции практически во всех сферах жизни российского общества, терпимость граждан к проявлениям коррупции порождают массовое заблуждение о том, что коррупция неискоренима, что, в свою очередь, проецируется на отношение граждан к государственным институтам, формируя недоверие населения к власти, девальвацию таких категорий, как «государственная власть», «закон»: все это создает непосредственную угрозу российской государственности.

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» называет три составляющие противодействия: «профилактика коррупции, борьба с коррупцией, минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционных правонарушений». Анализ федерального и регионального законодательства, а также специальной литературы позволяет сделать вывод о том, что в сфере противодействия коррупционному поведению приоритет отдается мерам профилактики, реализация которых особенно актуальна в среде молодого поколения, которое уже сегодня формирует облик будущего государства и общества.

В 2010 г. в рамках грантового исследования с целью выявления особенностей восприятия коррупции молодыми людьми было опрошено 2200 студентов очной формы обучения Сибирского федерального университета¹. В 2012 г. по аналогичной методике в г. Красноярске нами опрошено 1280 несовершеннолетних в возрасте от 15 до 18 лет. Результаты опросов дают основание говорить о том, что су-

---

¹ Исследование «Разработка и внедрение комплекса мер по формированию устойчивой гражданской антикоррупционной позиции у студентов Сибирского федерального университета», выполненное при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в 2010 г. под руководством И.А. Зыряновой. Опрошено 2200 студентов очной формы обучения.

существует проблема эффективности реализуемых антикоррупционных профилактических мер.

Проводя сопоставление данных обоих исследований по аналогичным вопросам, можно заключить, что студенты СФУ солидарны со школьниками в своем отношении к коррупции – 54,9% студентов СФУ в 2010 г. считали коррупцию «нейтральным» и даже «позитивным» явлением, что соответствует мнению 46% школьников, высказанному в 2012 г. Соответственно терпимое отношение к коррупции формируется еще на ступени общего образования и впоследствии переносится в систему высшего профессионального образования и, как следствие, в сферу будущей профессиональной деятельности, что бесспорно должно быть учтено при разработке и реализации мер профилактики коррупционного поведения. Анализируя полученные ответы на вопрос о возможности дачи взятки за получение оценки по предмету, необходимо констатировать, что 46% школьников допускают такую возможность, аналогичный ответ у 42% студентов. Становится очевидным, что степень готовности школьников к вступлению в коррупционные отношения в 2012 г. выше степени готовности студентов в 2010 г. Высокий процент ответов, свидетельствующих о готовности к вступлению в коррупционные отношения у лиц, признаваемых законом субъектами ряда правонарушений коррупционной направленности, является тревожным сигналом, так как при наличии благоприятной коррупциогенной ситуации они с достаточной долей вероятности могут совершить коррупционное правонарушение.

В настоящей статье приведены лишь немногие результаты проведенных исследований, однако и они позволяют прийти к выводу о существовании проблемы низкой эффективности реализуемых антикоррупционных профилактических мер и необходимости их актуализации с учетом научных достижений и опыта практических исследований.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФСИН РОССИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

Н.В. Ольховик

Основные мероприятия по противодействию коррупции в рамках легализации антикоррупционной политики, субъекты их реализации, а также внедрение механизмов государственного регулирования в «коррупционно опасных сферах деятельности» определяются Планом противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2014–2015 гг. (далее – План). Определение основных мероприятий по противодействию коррупции, на наш взгляд, обязательно должно предполагать исследование сфер, вокруг которых необходимо сконцентрировать усилия в этом направлении. Такое исследование, во-первых, должно осуществляться с использованием специальных методик, с учетом общественного мнения; во-вторых, его должны проводить специально подготовленные люди.

Анализ организационных мероприятий, закрепленных в Плане, показал, что многие положения носят декларативный характер («совершенствование условий, процедур и механизмов государственных закупок», «мониторинг и выявление коррупционных рисков», «обеспечение эффективного взаимодействия ФСИН России с институтами гражданского общества», «совершенствование контрольно-надзорных и разрешительных функций» и т.п.). Так, например, в Плане говорится об обеспечении участия независимых экспертов в проведении антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов ФСИН России и нормативных правовых актов ФСИН России. Но в числе субъектов, осуществляющих эту деятельность, указаны только правовое управление ФСИН России и заинтересованные структурные подразделения ФСИН России, учреждения, непосредственно подчиненные ФСИН России. Как представляется, антикоррупционная экспертиза должна быть государственно-общественной, что приведет к тому, чтобы нормативные правовые акты имели открыто декларируемые и доказываемые своим содержанием ясные, понятные системы социально справедливых целей и нравственных приори-

тетов, содержали в себе простые механизмы, создающие условия для контроля за правоприменителями. Такая экспертиза должна бороться со сложностью, запутанностью, некомплексностью в праве, на которых расцветает бюрократизм, формализм, волокита, произвол чиновника, в конечном счете – коррупция.

План предусматривает организацию правового просвещения сотрудников по антикоррупционной тематике (семинары, тренинги, лекции, совещания), где перечислены все субъекты их участия. Перечень этих субъектов является исчерпывающим, что, на наш взгляд, является неправильным. Этот перечень должен быть открытым, поскольку в настоящее время просто невозможно определить весь круг субъектов этой деятельности. Однако можно утверждать, что среди участников семинаров, тренингов, совещаний должны быть и ученые, и журналисты, и представители общественности, например, члены общественных советов и советов ветеранов при территориальных органах уголовно-исполнительной системы.

План предусматривает обобщение практики рассмотрения полученных в разных формах обращений граждан и организаций по фактам проявления коррупции и повышение результативности и эффективности этой работы. К числу субъектов, призванных заниматься таким анализом, План относит, по существу, только самих лиц, которые обязаны эти обращения граждан рассматривать. Однако категория «эффективность», как представляется, предполагает изучение не только количества рассмотренных жалоб и обращений, но и степени удовлетворенности заявителей принятыми мерами по итогам их обращений. Для выполнения этой функции необходимо также привлекать общественность.

На наш взгляд, вышеизложенные замечания носят принципиальный характер и должны быть учтены при подготовке нового Плана противодействия коррупции на последующие годы.

КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭФФЕКТИВНОЙ?

Е.А. Писаревская

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее по тексту – КДН) часто рассматривают в качестве связующего звена между системой профилактики и системой отправления правосудия в отношении несовершеннолетних¹.

Однако оценка эффективности деятельности данного субъекта существенно отличается в зависимости от региона страны. Многие исследователи подчеркивают, что до сих пор проблемы нормативно-правового регулирования деятельности КДН решены не были. Отсутствие единого государственного подхода снижает качество и эффективность работы не только самих комиссий, но и всей системы профилактики, что иногда приводит к невозможности обеспечения интересов ребенка, к прямому нарушению его прав и законных интересов.

Известно, что регламентация деятельности КДН в 2012–2013 гг. подверглась значительной корректировке. Так, были внесены изменения в ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Законодатель на федеральном уровне подчеркнул важность координационной функции КДН в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Указанные изменения необходимо оценить положительно. Но достаточно ли простого указания на основную координирующую функцию КДН при отсутствии детальной регламентации их деятельности, отсутствии повсеместного обеспечения КДН штатом сотрудников, комплектование штатов которых в настоящее время зависит

---

¹ Трощина Л.И. «Ювенальный» Пленум [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. Режим доступа: Компьютер. сеть НФИ КемГУ, свободный.

от волеизъявления руководства субъекта Российской Федерации. Результаты нашего исследования, проведенного в Кемеровской области, подтверждают необходимость комплектования штатов КДН квалифицированными сотрудниками на постоянной основе.

Постановлением Правительства РФ от 06 ноября 2013 г. № 995 было утверждено Примерное положение о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав. Но его принятие не устраняет все имеющиеся у практиков вопросы, касающиеся регламентации деятельности КДН. В данном Положении представлен более подробный перечень полномочий КДН в сравнении со ст. 11 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ. При этом текст Примерного положения не лишен недостатков. Так, в Примерном положении не упомянута координирующая функция муниципальных комиссий. При определении состава КДН использована формулировка «могут быть», следовательно, по-прежнему не решен вопрос об обязательном соответствии штатной численности КДН в расчете на численность детского населения.

Создание КДН и организация их деятельности отнесены к полномочиям органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета РФ. Не оспаривая необходимость учета региональной специфики, полагаем, что минимальные федеральные обязательные требования все же необходимы, а примерное положение о КДН не в состоянии решить многие принципиальные вопросы, касающиеся функционирования комиссий. Таким образом, в настоящее время в целях единообразия правоприменительной практики и повышения эффективности деятельности КДН необходимо принять Федеральный закон о данных комиссиях.

УНИФИКАЦИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Т.Г. Антонов

Тенденции в уголовной и уголовно-исполнительной политике свидетельствуют о расширении сферы применения альтернатив лишению свободы. Но применение наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества предполагает, что соблюдение режима отбывания и исполнения таких наказаний нередко остается «на совести» самого осужденного. В такой ситуации нельзя обойтись без применения ощутимых мер ответственности.

Если проанализировать действующее уголовно-исполнительное законодательство в данной сфере, то нормы об ответственности осужденных к наказаниям без изоляции от общества содержатся в ст. 29, 30, 32, 46, 58 УИК РФ. При этом можно выделить две основные проблемы.

Первая – нет единого порядка привлечения осужденных к ответственности за нарушение порядка и условий отбывания наказания, а меры взыскания применяются по-разному.

Иногда основанием для признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания и, следовательно, замены наказания является совершение определенного количества нарушений за определенный промежуток времени. Например, если осужденный к обязательным работам в течение 1 месяца трижды не вышел на обязательные работы (п. «а» ч. 1 ст. 30 УИК РФ). При этом не имеет значения, применялись ли к нему меры взыскания (хотя бы в виде предупреждения). Еще один вариант, когда злостно уклоняющимся считается осужденный, который повторно после объявленного предупреждения совершил нарушение порядка и условий отбывания наказания. При этом не имеет значения промежуток времени между нарушениями. Такое положение закреплено применительно к наказанию в виде исправительных работ (ч. 3 ст. 46 УИК РФ). Злостное уклонение от отбывания ограничения свободы предполагает необхо-

димось применения друг за другом двух мер взыскания – предупреждения и официального предостережения (ч. 2 и 4 ст. 58 УИК РФ).

Вторая проблема заключается в том, что единственной мерой взыскания, которая применяется к осужденным в случае нарушения ими непенитенциарного режима, служит это предупреждение.

Выход из сложившейся ситуации возможен, если унифицировать нормы об ответственности рассматриваемой категории осужденных. И это, безусловно, требует корректировки действующего уголовно-исполнительного законодательства. Конечно, абсолютно идентичными эти нормы быть не могут, ведь само содержание наказаний различно. Но подход в принципе должен быть единым. Например, злостно уклоняющимся от отбывания наказания должен считаться осужденный, который совершил нарушение порядка условий отбывания наказания и который при этом имеет неснятое (непогашенное) взыскание. При этом следует четко предусмотреть перечень возможных взысканий и порядок их наложения и погашения (снятия). Сегодня ближе всего к этому подходу нормы ст. 58 УИК РФ. При этом применительно к каждому наказанию должен быть предусмотрен конкретный перечень нарушений порядка и условий отбывания наказания.

С точки зрения законодательной техники здесь возможны два подхода.

Во-первых, возможно унифицировать существующие нормы.

Второй подход предполагает появление во втором разделе УИК РФ отдельной главы. Это может быть глава «Воспитательное воздействие на осужденных к наказаниям без изоляции от общества» (как при лишении свободы) или глава «Меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным к наказаниям без изоляции от общества».

Корректировка существующих норм позволит быстрее исправить ситуацию, однако учитывая, что наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, становятся все более применяемыми, более логичным было бы сходные с подпунктами нормы предусмотреть в отдельной главе.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

О.Н. Уваров

Как известно, исправительные работы назначаются осужденному, как имеющему основное место работы, так и не имеющему его. При этом удержания при исправительных работах производятся из заработной платы по основному месту работы осужденного (ч. 2 ст. 44 УИК РФ) в течение срока и в размерах, установленных судом. Иными словами, исполнение исправительных работ непосредственно связано с работой осужденного и его заработной платой.

Осужденные к исправительным работам, как и все иные граждане, работают на основании трудового договора, которым, кроме прочего, определяются условия оплаты труда и режим рабочего времени (ст. 57 ТК РФ). В зависимости от объема выполняемой работы трудовые договоры можно разделить на договоры об основной работе и договоры о работе с неполным ее объемом (например, по совместительству)¹. Договор об основной работе предполагает, что работник постоянно осуществляет трудовую функцию у данного работодателя в полном объеме с учетом установленного для него рабочего времени (при этом основное место работы одновременно является местом хранения трудовой книжки). Договор о работе с неполным ее объемом предполагает, что работник осуществляет трудовую функцию у работодателя не в полном объеме, а лишь частично (например, совместительство означает выполнение работником, имеющим основное место работы, в соответствии с трудовым договором другой регулярной оплачиваемой работы, но в свободное от основной работы время).

Статья 91 ТК РФ определяет рабочее время как время, в течение которого работник должен исполнять свои трудовые обязанности.

---

¹ См., например: *Лебедев В.М., Агашев Д.В., Белинин А.А.* Трудовое право: учеб. для студентов вузов / под ред. В.М. Лебедева. М.: НОРМА. 2011. 463 с.; *Трудовое право: учеб.-метод. комплекс / Д.В. Агашев, В.С. Аракчеев.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 148 с.

Там же определена нормальная продолжительность рабочего времени в течение рабочего дня. Кроме того, ст. 100 ТК РФ предусмотрен и режим рабочего времени (установленная продолжительность рабочего времени) в неделю – пятидневная рабочая неделя с двумя выходными днями, шестидневная с одним выходным днем, рабочая неделя с предоставлением выходных дней по скользящему графику, неполная рабочая неделя. Может также предусматриваться ненормированный рабочий день (ст. 101 ТК РФ); работа в режиме гибкого рабочего времени (ст. 102 ТК РФ); сменная работа (ст. 103 ТК РФ); суммированный учет рабочего времени (ст. 104 ТК РФ); разделение рабочего дня на части (ст. 105 ТК РФ).

Все трудовые договоры, в том числе и контракты о государственной (муниципальной) службе, договоры о временной работе сроком до двух месяцев (гл. 45 ТК РФ), договоры о сезонной работе (гл. 46 ТК РФ), договоры о работе у работодателя – физического лица (гл. 48 ТК РФ), договоры о работе на дому (гл. 49 ТК РФ), договоры о дистанционной работе (гл. 49.1), где предусмотрена для конкретного лица продолжительность рабочего времени, не связанная с неполной, относятся к договорам по основному месту работы. При этом для определенных категорий (например, лиц в возрасте до восемнадцати лет, инвалидов и т.д.) устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени (в соответствии со ст. 92 ТК РФ). Договоры с этим условием – это также договоры по основному месту работы. К аналогичной категории договоров относятся договоры с неполным рабочим временем для беременных женщин, родителей (опекунов, попечителей), имеющих ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет), а также для лиц, осуществляющих уход за больным членом семьи, в установленных ст. 93 ТК РФ случаях¹.

В иных случаях неполное рабочее время в соответствии со ст. 93 ТК РФ для осужденного к исправительным работам устанавливаться не может. Также не может с таким осужденным быть заключен

---

¹ *Лебедев В.М., Агашев Д.В., Белинин А.А.* Трудовое право. Указ. раб.; Трудовое право: учеб.-метод. комплекс / Д.В. Агашев, В.С. Аракчеев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 148 с.

договор о работе по совместительству без наличия у него основного места работы.

Вместе с тем удержания из заработной платы при исправительных работах не производятся не только из пособий, получаемых осужденным в порядке социального страхования и социального обеспечения, из выплат единовременного характера, пособий по временной нетрудоспособности (ч. 4, 5 ст. 44 УИК РФ), но и из сумм оплаты труда при работе по совместительству, при совмещении профессий (должностей), расширении зон обслуживания, увеличении объема работы, при исполнении обязанностей временно отсутствующего работника без освобождения от основной работы, а также из оплаты за сверхурочную работу.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ УИС

Д.Г. Девяшин

В рамках Концепции развития российской уголовно-исполнительной системы до 2020 г. на ведомственном уровне разработана Концепция развития системы охраны объектов. Планируется, в частности, более масштабное и эффективное использование современных инженерно-технических средств охраны и надзора (ИТСОН), отказ от способа охраны с выставлением постов на периметре путем перехода к оперативному дежурству караулов, оптимизация штатной численности сотрудников охраны и др.

Предусмотренные Концепцией новеллы, помимо масштабных материально-технических затрат, потребуют и серьезной работы с точки зрения ведомственного нормотворчества. Планируемая модернизация не снимает проблемы правовой регламентации применения огнестрельного оружия сотрудниками УИС.

Нормы законов «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»

в части, касаемой применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, остаются практически неизменными свыше двадцати лет. Практика показывает, что сотрудники зачастую не готовы к правомерным действиям в ситуации применения огнестрельного оружия из-за наличия пробелов и неточностей в правовой регламентации.

Так, в настоящее время нормативно закреплено право применять огнестрельное оружие только на территориях учреждений и только сотрудниками ИУ. Вместе с тем спектр задач, связанных с возможностью применения оружия в УИС, гораздо шире. Это и организация личной охраны сотрудников, и выдача оружия на постоянное ношение, проведение оперативно-поисковых мероприятий в отношении совершивших побег, применение мер безопасности сотрудниками отрядов специального назначения, оперативными сотрудниками и т.п. В этой связи представляется уместным помещение норм, регламентирующих применение сотрудниками УИС огнестрельного оружия, спецсредств и физической силы, в Уголовно-исполнительный кодекс.

В настоящее время в Законе РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» четко не прописаны гарантии безопасности вооруженного сотрудника УИС, дающие ему право применять оружие при попытке невооруженного правонарушителя приблизиться, сократив указанное расстояние. Сами основания применения оружия изложены в данном законе бессистемно.

В действующей Инструкции по организации охраны исправительных учреждений отсутствует образец рапорта о применении огнестрельного оружия часовым, нет четкой формулировки оконченого побега, дающего право открытия огня на поражение. Не оговариваются пределы причинения вреда правонарушителю при пресечении побега. Нет разъяснений, порядка действий часового в случае совершения побега с использованием кустарных летательных аппаратов или воздушных судов (вертолетов).

Все это вызывает неоднозначное понимание и толкование сотрудниками правовых основ применения огнестрельного оружия,

порождает неуверенность и неготовность применять его на поражение или влечет за собой незаконное применение.

Необходимо в рамках Концепции развития УИС до 2020 г. и Концепции развития охраны объектов УИС должное внимание уделить совершенствованию правовых основ применения огнестрельного оружия. Это будет способствовать укреплению законности, обеспечению личной безопасности сотрудников УИС и дальнейшей гуманизации процесса исполнения наказаний.

«ПЬЯНАЯ» ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Д.В. Карелин

Вопрос о выделении видов преступности является в криминологии дискуссионным. Не вдаваясь в полемику о возможности и целесообразности деления столь целостного явления, как преступность, на виды и критериях такого деления, считаем, что «пьяная» преступность обоснованно является объектом самостоятельных криминологических исследований в отечественной науке¹. Как любой вид преступности, «пьяная» преступность обладает родовыми признаками (неизбежность, негативное социально-правовое, относительно массовое, исторически-изменчивое явление, состоящее из совокупности преступлений, совершенных в состоянии опьянения, и лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения). «Пьяная» преступность имеет и ряд «своих» черт, которые проявляются в специфике ее детерминант и характеристике ее основных показателей, в специфической общественной опасности, что в итоге предопределяет особенности ее предупреждения. Для определения понятия «пья-

---

¹ См., например: *Герцензон А.* Современная преступность и алкоголизм // Советское государство и революция права. 1930. № 3; *Юров Г.А.* Предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2007. 166 с.; *Абовян Э.П.* Предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения в семейно-бытовой сфере: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011.

ная» преступность несовершеннолетних добавляется еще одна характеристика субъекта преступления – несовершеннолетний возраст, который определяется в соответствии со ст. 87 УК РФ.

Термин «пьяная» преступность в специальной литературе употребляется наряду с другим – «алкогольная» преступность¹. Именно в этом (узком) смысле слова (как опьянение, вызванное употреблением алкогольной продукции, а не наркотических, токсических и одурманивающих веществ) мы будем понимать «пьяную» преступность для целей настоящей статьи.

Показатели «пьяной» преступности формируются на основании данных, содержащихся в статистических карточках в отношении основных объектов учета: форма № 1.1 (о результатах расследования преступления) содержит графу 13 (1) – «преступление совершено в состоянии опьянения»; форма № 2 (на лицо, совершившее преступление) содержит графу 36 (1) – «лицо совершило «преступление в состоянии алкогольного опьянения». Согласно данным официальной статистики удельный вес несовершеннолетних (в целом по России), совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, увеличился за последние пять лет в 1,4 раза и составлял соответственно: в 2009 г. – 10,2%, в 2010 г. – 10%, в 2011 г. – 11%, в 2012 г. – 13,9% и в 2013 г. – 13,9%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что одной из негативных тенденций преступности в Российской Федерации является «омоложение» «пьяной» преступности (увеличение удельного веса несовершеннолетних, которые совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения, от общего числа лиц, совершивших преступления).

Совершение несовершеннолетними преступлений в состоянии алкогольного опьянения непосредственно связано с алкоголизацией населения, которая является следствием кризиса общества в духовной сфере, изменением нравственных ориентиров, падением морали.

Положительным следует признать тот факт, что законодатель не остается в стороне от решения указанной проблемы. Федеральным законом от 21.12.2013 № 365-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с усиле-

---

¹ Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2005. С. 500.

нием уголовной и административной ответственности за нарушения в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» незначительно, но усилена уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции (ст. 151 УК РФ). Ужесточение санкций коснулось как основного, так и квалифицированного состава преступления.

Однако полагаем, что данные новеллы вряд ли изменят ситуацию в лучшую сторону. Основная роль в решении данной проблемы видится в осуществлении мер, прежде всего общесоциального характера, а также в повышении эффективности мер ранней профилактики алкоголизации несовершеннолетних, предусмотренных административным законодательством.

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В «ПЕНИТЕНЦИАРНОМ ПРАВЕ»

В.В. Разбирин

Если предмет правовой общности отвечает на вопрос, что регулирует право, то метод правового регулирования указывает, как регулируются эти отношения. Предмет и метод правового регулирования являются критериями деления системы права на отрасли. Еще в 1981 г. С.С. Алексеев высказал суждение, согласно которому характерными чертами правового регулирования являются методы, способы и типы. Эти правовые средства, взятые в их сочетании, образуют «правовой режим», который определяет степень жесткости права.

Государственное принуждение во всяком случае включает следующие формы: а) меры предупреждения; б) меры пресечения; в) меры защиты; г) юридическую ответственность.

Только содержание осужденных основано на Кодексе (УИК РФ), в нем регламентируется исполнение таких пенитенциарных мер, как арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение сво-

боды (остальные меры ответственности трудно назвать пенитенциарными, поскольку ими не являются).

Пенитенциарными мерами также являются административное задержание, административный арест, поскольку связаны с изоляцией от общества. Формы реализации этих мер – юридическая ответственность, а также пресечение правонарушений.

Дисциплинарная ответственность выступает видом юридической ответственности. Она возникает вследствие совершения дисциплинарных проступков. Этот вид ответственности распространяется и на осужденных лиц, содержащихся в местах лишения свободы, в том числе подозреваемых или обвиняемых, военнопленных и др.

В ст. 99 УК РФ указаны виды психиатрических предупредительных мер: лечение в психиатрическом стационаре общего типа, стационаре специального типа, специального типа с интенсивным наблюдением. Данный метод является разновидностью государственного принуждения – мерой защиты. К этому же методу относится изоляция незаконных мигрантов: иностранных граждан и лиц без гражданства, поскольку здесь имеет место принудительная депортация или административное выдворение по решению суда.

При исполнении таких уголовно-процессуальных мер, как задержание подозреваемого, заключение под стражу, помещение обвиняемого (подозреваемого) в медицинское учреждение для проведения судебной экспертизы, используются также такие методы государственного принуждения, как пресечение, обеспечение.

Изоляция от общества военнопленных и интернированных является видом государственного принуждения, а доминирующим его методом будут пресечение и предупреждение, которые исключают повторное участие военнопленных в военных действиях, а также защиту предупреждения интернированных от участия в войне.

В Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120 указаны меры воспитательного воздействия, связанные с изоляцией от общества. Это принудительное содержание в специальной общеобразовательной школе закрытого типа; принудительное содержание в специальном профессиональном училище закрытого типа; содержание в специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях за-

крытого типа. В данных мерах государственного принуждения налицо превалирование методов предупреждения и профилактики.

Очевидно, что все указанные выше меры будут по существу пенитенциарными, поскольку связаны с изоляцией от общества. Все воплощают государственное принуждение, а их режим содержания зависит от степени конкретной изоляции и статуса изолированных от общества.

ОСУЖДЕННЫЕ ЖЕНСКОГО ПОЛА В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

М.В. Прохорова

В последнее десятилетие наблюдается тенденция ухудшения характеристики осужденных женского пола, содержащихся в воспитательных колониях. Ныне в России действуют две воспитательные колонии, где отбывают наказание чуть более ста девушек. С 2002 по 2014 г. число несовершеннолетних женского пола в воспитательных колониях сократилось в пять раз. Результаты проведенных нами исследований¹ позволяют судить об ухудшении не только уголовно-правовой характеристики таких осужденных, но и социальной. По сравнению с 2007 г. на 3% увеличилась доля лиц, воспитывавшихся в детских домах и интернатах, и более чем на 20% – в неполной, неблагополучной семье с низким материальным уровнем дохода. 2/3 осужденных имели судимых родственников или родственников, отбывающих лишение свободы. Причем у 23% осужденных судима мать.

На фоне провозглашенной «стабилизации» социальной обстановки в стране девальвация общечеловеческих ценностей (семья, жизнь, общество) среди несовершеннолетних женского пола проис-

---

¹ Исследования проводились в Томской ВК-2 УФСИН России по Томской области. Изучению подлежали личные дела осужденных, их психологическая и социальная характеристики, а также материалы анонимного анкетирования воспитанниц ТВК-2 в 2001, 2007 и 2014 гг.

ходит гораздо интенсивнее, чем у несовершеннолетних мужского пола и взрослых. Раннее вступление в половые связи (по сравнению с началом двухтысячных годов, когда половая распущенность девушек связывалась с возрастом 13–14 лет, в настоящее время таковая обыденна и характеризуется возрастом в 11–12 лет), курение (в 2001 г., более 2/3 воспитанниц начинали курить с 10 лет, современные девочки приобщаются к курению в 6–7 лет), употребление алкоголя, наркотиков, всеобщая пропаганда насилия в средствах массовой информации, а также отсутствие должного социального сопровождения, контроля со стороны взрослых и рост социального сиротства обуславливают гиперагрессивность несовершеннолетних женского пола. Половина осужденных девушек отбывает наказание за совершение насильственных преступлений (ст. 105, 111, 131, 132 УК РФ). При их совершении действия осужденных сопровождалась крайне жестоким насилием, глумлением над потерпевшими, сексуальными унижениями и издевательствами, причинением множественных ранений.

Более 40% осужденных совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения, в ходе распития спиртных напитков со своими родителями или родственниками, которые впоследствии и стали жертвами совершенных преступлений (убийств, причинения тяжкого вреда здоровью). Каждая вторая осужденная ранее состояла на учете в ОППН. Почти треть часто уходила из дома, в 10% случаев занимались бродяжничеством. В половине случаев родители (или один из них) и 2/3 из числа самих осужденных злоупотребляли спиртными напитками или употребляли наркотики.

Практически все осужденные обнаруживают психические заболевания, не исключающие вменяемости. Среди них более 2/3 страдают эмоциональными расстройствами личности и поведения, органическими расстройствами личности, легкой умственной отсталостью, алкогольной или наркотической зависимостью.

Указанные обстоятельства свидетельствуют не столько о необходимости разработки новых подходов к исполнению лишения свободы в отношении несовершеннолетних, сколько об актуальности создания эффективной государственной и общественной системы социальной

поддержки несовершеннолетних, входящих в «группу риска», и профилактики их преступлений.

ОСУЖДЕННЫЕ ЖЕНСКОГО ПОЛА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

Н.Б. Лелик

В исправительных учреждениях России на 1 ноября 2013 г. содержалось 56,3 тыс. женщин (–1388 человек к началу 2013 г.), в том числе 46,1 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, ЛИУ, ЛПУ, и 10,1 тыс. человек, содержащихся в СИЗО и ПФРСИ. При женских колониях имеется 13 домов ребенка. В данных колониях практикуется совместное проживание осужденных женщин со своими детьми. Такая форма отбывания наказания женщинами вполне соответствует международным нормам.

Согласно статистическим данным наиболее распространенными преступлениями среди женщин ныне являются связанные с наркотиками (ст. 228–234 УК РФ) – 37,3% от общего числа всех преступлений, совершенными отбывающими лишение свободы женщинами; на втором месте – убийства (20,5%), на третьем – кражи (ст. 158 УК РФ) – 17,1%. Далее идут умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – ст. 111 УК РФ (9%); грабежи – 4,5%; разбой – 3,4%; изнасилование, насильственные действия сексуального характера (ст. 131, 132 УК РФ)¹.

Анализ проблемы детоубийств показал, что среди осужденных за это преступление 83% – молодые женщины, родившие впервые. Осужденные за детоубийство склонны испытывать проблемы в адаптации к новым условиям отбывания наказания. Прочие осужденные относятся к ним настороженно, стараясь не вступать в близкие межличностные отношения. В общении осужденные за детоубийство часто испытывают различные отрицательные пережива-

---

¹ Характеристика осужденных, которые осуждены за преступления // Официальный сайт www.fsin.su

ния: разочарование, раздражение, тревогу, отчаяние и др. Это приводит их к вспыльчивости, несдержанности поведения, к необдуманности поступков, нередко к агрессивным действиям по отношению к другим осужденным или к самой себе¹.

Наиболее значительную группу среди рассматриваемых преступниц составляют лица в возрасте до 25–39 лет (около 57,7%), отмечается сокращение на 7,8% доли молодых женщин в возрасте от 18 до 24 лет. Также за последние 10 лет снизилась доля женщин в возрасте 40–49 лет².

За последние годы возросло число краж, совершенных женщинами. Иначе говоря, каждая пятая выявленная преступница – воровка. Кражи всех видов чаще совершаются женщинами в городах. Среди них значительна доля тех, кто постоянно совершает кражи и уже наказывался за это. В основном это женщины старшего возраста, многие из них долгие годы ведут бездомное существование.

Каждая четвертая-пятая женщина, отбывающая наказание в исправительных колониях, виновна в насильственном преступлении. Это понятно, поскольку женщин лишают свободы в основном за опасные преступления. В основе поведения женщин – насильственных преступниц часто наряду с побудительными мотивами лежит мотив, оправдывающий совершенные ими действия (во благо семьи, детей, близкого человека). Критическая оценка собственного поведения у подавляющего большинства преступниц развита очень слабо.

Женщины чаще стали совершать такие «мужские» преступления, как грабежи и разбойные нападения, в том числе с использованием оружия.

Выборочные исследования (за 2009–2012 гг.) количества судимостей у мужчин и женщин и их сопоставление обнаружили такую тенденцию: при небольшом количестве судимостей доля мужчин

---

¹ *Соболев Н.Г.* Психология женщины, осужденной за детоубийство // *Ведомости уголовно-исполнительной системы.* 2011. №12. С. 27–30.

² *Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (Материалы исследований 2009–2010 годов)* // *Ведомости уголовно-исполнительной системы.* 2011. №6. С. 20–25.

значительно превышает долю женщин, но в группах с большим количеством судимостей их удельный вес выравнивается. Так, в группе имеющих пять судимостей мужчин оказалось 5,1 %, женщин – 3,2 %, имеющих шесть судимостей – соответственно 2,6 и 1,9 %, семь – 1,3 и 1,2 %, восемь – 0,6 и 0,6 %, девять – 0,6 и 0,7 %.

Для женщин-преступниц характерны стойкость аффективных психотравмирующих переживаний и высокая импульсивность. Это приводит к неадекватному восприятию и оценке возникающих жизненных ситуаций, плохому прогнозированию последствий своих поступков, дезорганизованности и необдуманности поведения. В связи с совершением противоправных действий женщины испытывают чувство вины, беспокойство за свое будущее, и это беспокойство, конечно, усиливается в период отбывания наказания в местах лишения свободы.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УВОЛЬНЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УИС ПО П. «Е» СТ. 58 ПОЛОЖЕНИЯ О СЛУЖБЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Т.Н. Коголь, О.В. Анцибалова

Из пятнадцати оснований увольнения предусмотренных ст. 58 Положения о службе в ОВД РФ (далее – Положение) наиболее сложным и болезненным в настоящее/последнее время является п. «е» – «...по сокращению штатов – при ликвидации или реорганизации органа внутренних дел в случае невозможности использования сотрудника органов внутренних дел на службе».

Анализ правовых споров при применении данного пункта показывает, что в их основе лежат причины как объективного, так и субъективного порядка.

Причины объективного характера лежат вне воли правоприменителя и связаны с состоянием и качеством действующего законодательства в области регулирования порядка и условий службы в УИС.

Во-первых, уже более двадцати лет в отсутствие специального федерального законодательства в области регулирования службы в

УИС сотрудники проходят службу на основании «заимствованного» Положения о службе в ОВД РФ, что порождает серьезные проблемы в правоприменительной практике. Во-вторых, небезупречна позиция законодателя. Ярким примером являются отдельные положения Федерального закона от 30.12.2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». Так, п. 1 ч. 1 ст. 19 данного Закона отменил ряд содержащихся в Положении норм, где речь идет о категории сотрудников, которые имеют повышенную защищенность со стороны государства в вопросах расторжения контракта (беременные женщины и матери из числа сотрудников органов внутренних дел, а также отцы – сотрудники органов внутренних дел, воспитывающие детей без матери (в случае ее смерти, лишения родительских прав, длительного пребывания в лечебном учреждении и в других случаях отсутствия материнского попечения), пользуются правовыми и социальными гарантиями, установленными законодательством Российской Федерации для этой категории населения Российской Федерации). Понадобилось решение Конституционного Суда Российской Федерации, чтобы снять правовой конфликт и не допустить его перетекание и развитие в правоприменительную практику¹.

Причины субъективного порядка, как правило, связаны с невысоким уровнем правовой грамотности каждой из сторон служебных отношений.

Поскольку п. «е» является одним из оснований расторжения служебных правоотношений по инициативе работодателя, практика показывает, что наибольшее число ошибок совершается с его стороны. Так, на этапе правильности выбора материальной нормы (основание увольнения должно соответствовать действительной фактической ситуации) мы видим, что работодатель, преследуя те или иные цели, порой стремится предложить сотруднику уволиться по другим

---

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.10.2013 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 части 1 статьи 19 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 43. Ст. 5623.

основаниям ст. 58 Положения (например, по п. «а» – по собственному желанию) при фактически существующих организационно-штатных изменениях. При соблюдении алгоритма увольнения как последовательно сменяющих друг друга действий работодатель в то же время нарушает сроки и процедурные моменты, установленные законодателем. Например, типичным является нарушение сроков при ознакомлении сотрудников с приказом о зачислении в распоряжение и вручении уведомления о возможности увольнения со службы; при проведении собеседования не разъясняется порядок оргштатных мероприятий, основания и критерии, в соответствии с которыми должно быть принято решение о продлении службы, не предлагаются все вакансии.

В свою очередь, со стороны сотрудников типичным является злоупотребление своим правом в виде затягивания сроков нахождения в распоряжении под теми или иными предложениями.

Скорейшее принятие Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» позволит не только снять существующие вопросы в области прохождения службы, но и повысить уровень и качество управления персоналом УИС.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕХОДА НА КОНТРАКТНУЮ СИСТЕМУ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

А.Н. Иванова

Вступивший в действие с 1 января 2014 г. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) предусматривает принципиально иной подход к регламентации и функционированию системы государственных закупок для нужд уголовно-исполнительной системы.

В частности, в отличие от ранее действовавшей системы государственного заказа значительно расширена сфера общественных

отношений, входящих в предмет его регулирования, начиная от стадии планирования и заканчивая стадией исполнения контракта.

Расширение сферы действия Закона о контрактной системе, с одной стороны, провозглашение принципа профессионализма заказчика – с другой, персонализация и ужесточение ответственности за результативность и эффективность осуществления закупок – с третьей, требуют пристального внимания к повышению уровня подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы, вовлеченных в орбиту государственных закупок.

Так, принцип профессионализма заказчика (ст. 9 Закона) предусматривает осуществление его деятельности на профессиональной основе с привлечением квалифицированных специалистов, обладающих теоретическими знаниями и навыками в сфере закупок.

Реализации данного принципа служит, в частности, ст. 38 Закона. Согласно ей у каждого заказчика должна быть создана контрактная служба либо назначен контрактный управляющий. Анализ норм, регламентирующих полномочия контрактной службы/контрактного управляющего, позволяет сделать вывод о целесообразности создания в каждом учреждении УИС именно контрактной службы, поскольку сам объем закупок, начиная от продовольствия для спецконтингента и заканчивая потребностями самого учреждения, настолько велик, что контрактный управляющий с ним просто не справится.

Кроме того, с точки зрения квалификации работник контрактной службы или контрактный управляющий должны иметь высшее профессиональное образование или дополнительное профессиональное образование в сфере закупок. При этом законодатель в ст. 112 Закона о контрактной системе предусматривает «переходный период» для данных должностных лиц: до 1 января 2017 г. работником контрактной службы или контрактным управляющим может быть лицо, имеющее профессиональное образование или дополнительное профессиональное образование в сфере размещения заказов. Такая формулировка свидетельствует, что в состав данного подразделения могут входить сотрудники, прошедшие обучение по Федеральному закону от 5 июля 2005 г. №94-ФЗ «О размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», однако в любом случае и они

должны пройти обучение по Закону о контрактной системе до 1 января 2017 г.

Следующий аспект перехода на контрактную систему – создание комиссий по осуществлению закупок. Согласно ст. 39 Закона о контрактной системе в состав комиссии должны войти преимущественно лица, прошедшие профессиональную переподготовку или повышение квалификации в сфере закупок, а также лица, обладающие специальными знаниями, относящимися к объекту закупки.

Буквальное толкование данной нормы свидетельствует об отсутствии «переходного периода» для данной категории должностных лиц, а слово «преимущественно» означает большинство. Представляется, что трое сотрудников органа или учреждения должны пройти повышение квалификации в сфере закупок, чтобы комиссия по осуществлению закупок считалась правомочной.

С учетом вышеизложенного при переходе уголовно-исполнительной системы на контрактную систему в сфере закупок товаров, работ, услуг налицо определенные сложности, связанные с отсутствием квалифицированных специалистов в этой области, недостаточным финансированием средств на обучение сотрудников, общим сокращением штатной численности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Немаловажным фактором, затрудняющим переход на контрактную систему, является в ряде случаев и недоработанность нормативно-правовой базы в сфере закупок товаров, работ, услуг, а неоднозначность ее толкования предоставляет широкий простор действий для контролирующих органов.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЗОРА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Л.Ю. Бортник

В настоящее время уголовно-исполнительная система действует в сложной социально-политической и экономической обстановке,

сталкиваясь с необходимостью оптимизации, сокращения численности личного состава, в том числе среди сотрудников отделов безопасности, осуществляющих надзор.

Объективно ухудшается и социально-правовая характеристика лишенных свободы. Вышеперечисленное создает дополнительные трудности в обеспечении трудового порядка на территории учреждений безопасности как персонала учреждений, так и осужденных.

Обеспечение порядка в исправительных учреждениях является основой успешного исполнения наказания в виде лишения свободы. В соответствии со ст. 82 УИК РФ одним из требований режима исполнения и отбывания лишения свободы является обеспечение постоянного надзора за осужденными.

Надзор – это комплексное явление. В него входят определенные ресурсы, которые способствуют достижению цели надзора.

Многообразие и сложность функций надзора предполагают совместную деятельность всех частей и служб ИК, проведение комплекса профилактических, оперативно-розыскных, воспитательных и инженерно-технических мероприятий, направленных на обеспечение надежной изоляции осужденных и контроля за их поведением.

Одной из важнейших проблем, стоящих при осуществлении надзора, является пресечение поступления на территорию учреждений запрещенных предметов, особенно средств мобильной связи. Актуальность этой проблемы подтверждает большое количество ведомственных указаний по данному вопросу, подготовленных руководством ФСИН России в последнее время.

В них определены конкретные меры, направленные на профилактику и пресечение доставки указанных запрещенных предметов. Однако количество изымаемых при доставке и проведении обысковых мероприятий средств мобильной связи ежегодно возрастает, несмотря на принимаемые меры и широкое использование технических средств при их обнаружении.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на другой аспект данной проблемы, а именно на законодательное регулирование предоставления осужденным телефонных разговоров, закрепленное в ст. 92 УИК РФ. Этот достаточно сложный порядок, предусматривающий написание письменного заявления, наличие специального

помещения и стационарного телефона, сегодня представляется достаточно архаичным и, на наш взгляд, требует значительного упрощения, что, как нам представляется, может послужить фактором, объективно снижающим количество поступающих средств мобильной связи. Ведь далеко не все разговоры осужденных посредством мобильной связи носят противоправный характер.

Варианты упрощения данной процедуры могут быть различны и в рамках данной статьи не рассматриваются, однако данная проблема требует внимательного изучения как со стороны представителей ведомственной науки, так и со стороны практиков.

СООТНОШЕНИЕ ОБЩИХ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ЗАДАЧАМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А.Г. Бакунчев

При сравнении общих задач оперативно-розыскной деятельности и задач оперативно-розыскной деятельности в ИУ полностью совпадают лишь такие задачи, как выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений; розыск лиц, уклоняющихся от уголовного наказания. Остальные совпадают частично, а такие задачи оперативно-розыскной деятельности, как розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, без вести пропавших, добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации, установление имущества, подлежащего конфискации, не соответствуют задачам оперативно-розыскной деятельности в ИУ. Данное несоответствие необоснованно, так как практика показывает наличие у оперативных подразделений ИУ возможностей для выполнения всех задач оперативно-розыскной деятельности.

Также прослеживается явное несоответствие задачи ОРД по выявлению, предупреждению готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях нарушений установленного порядка отбывания наказания общей цели оперативно-розыскной деятельности, которая состоит в защите личности, общества и государства только от преступных посягательств. Соответственно на практике возникает проблема документирования оперативными подразделениями некоторых правонарушений, которые могут иметь опасные последствия, например, предусмотренных ст. 20.29 КОАП РФ (производство и распространение экстремистских материалов). Примечателен в этом положительный опыт оперативно-розыскного законодательства Республики Казахстан с такой формулировкой задачи: «защита жизни, здоровья, прав, свобод, законных интересов человека и гражданина, собственности от противоправных посягательств»¹. Казахстанский законодатель последовательно обозначил среди задач ОРД поддержание установленного уголовно-исполнительным законодательством режима, сняв этим многие проблемы.

Российский законодатель не называет в качестве объекта, где могут проводиться совместные оперативно-розыскные мероприятия², исправительные учреждения и исправительные центры. Статья 84 УИК РФ, напротив, ограничивает круг объектов исправительными учреждениями, перечисленными в ст. 74 УИК РФ, где также отсутствуют исправительные центры. И это вполне понятно, так как они не относятся к исправительным учреждениям. Но и в гл. 8.1 УИК РФ, регламентирующей исполнение наказания в виде принудительных работ, нет положений об осуществлении оперативно-розыскной деятельности в этих учреждениях. Проблему законодательного закрепления осуществления оперативно-розыскной деятельности в местах отбывания принудительных работ можно решить двумя способами: 1) дополнить гл. 8.1 УИК РФ ст. 60.22, раскрывающей содержание оперативно-розыскной деятельности в местах принудительных работ; 2) ч. 2 ст. 84 УИК РФ изложить в следующей

---

¹ См. ст. 2 Закона Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 г.

² См. ч. 5 ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

редакции: «Оперативно-розыскная деятельность осуществляется оперативными подразделениями учреждений и органов УИС в полном объеме, на всей территории Российской Федерации, а также другими уполномоченными на то органами в пределах их компетенции». Дополнить ч. 1 ст. 84 УИК РФ задачами по «оказанию содействия по розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, установлению имущества, подлежащего конфискации». Все вышеназванные проблемы и предложения по их устранению могут быть полезны в ходе разработки нормативных правовых актов, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность в закрепленных Концепцией развития уголовно-исполнительной системы учреждениях нового типа.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ

С.И. Аниськин

Основания и порядок применения мер поощрения и взыскания в следственных изоляторах регулируются Федеральным законом от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 03.02.2014) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». В соответствии со ст. 37 указанного Закона к лицам, содержащимся под стражей, могут применяться следующие меры поощрения:

- досрочное снятие ранее наложенного взыскания;
- денежная премия за лучшие показатели в работе;
- несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым – демонстрация дополнительного фильма, разрешение на дополнительное посещение помещения для спортивных занятий, а также на другие формы проведения досуга.

В соответствии со ст. 38 Закона в качестве мер взыскания могут применяться:

- выговор;

– водворение в карцер.

Как показало наше исследование, в котором принимали также участие сотрудники следственных изоляторов Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, существует ряд проблем применения мер дисциплинарного воздействия.

Из поощрений официально (с подписанием приказа) не применяется ни одна из указанных мер. В отношении несовершеннолетних применяются только демонстрация дополнительного фильма, разрешение на дополнительное посещение помещения для спортивных занятий. Но подобные мероприятия предусматриваются, как правило, планами проведения выходного (праздничного) дня.

Аналогичная ситуация складывается с применением других мер поощрения.

В Законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» не указываются сроки досрочного снятия взысканий. Получается, что администрация СИЗО в лице начальника или его заместителя может досрочно снять тот же выговор в любое время после его объявления. Однако анализ дисциплинарной практики в следственных изоляторах, опросы практических сотрудников данных учреждений показывают, что данная мера поощрения не применяется вовсе.

Премирование за лучшие показатели в работе осуществляется за счет доходов, получаемых от труда подозреваемых и обвиняемых. Но, с одной стороны, данные лица привлекаются к труду только при их желании (а таких очень мало, на практике это единичные случаи), а с другой – производственная база подавляющего большинства следственных изоляторов не развита и обеспечить работой желающих неспособна. Как правило, это работы, связанные с ремонтом камер учреждения, и каких-либо доходов от них СИЗО не получает.

Напротив, меры взыскания к подозреваемым и обвиняемым достаточно часты, в 2009 г. было наказано 261,1 тыс. человек, в 2010–2011 гг. – 251,4 тыс. Вместе с тем подавляющее большинство опрошенных нами сотрудников считают количество видов мер взыскания недостаточным.

Для повышения эффективности применения мер дисциплинарного воздействия предлагается:

- ввести в ст. 37 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» сроки досрочного снятия наложенных взысканий: выговор – 2 месяца со дня объявления, арест – 4 месяца со дня отбытия;
- предусмотреть в качестве меры поощрения «благодарность»;
- законодательно закрепить учет взысканий, полученных лицом в период нахождения в СИЗО, для чего ст. 114 Уголовно-исполнительного кодекса РФ дополнить ч. 5 следующего содержания: «К лицам, имеющим неснятое или непогашенное взыскание, полученное в период нахождения в СИЗО, может быть применено поощрение только в виде досрочного снятия ранее наложенного взыскания».

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОТБЫВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

А.Н. Смирнов

Ограничение свободы имеет продолжительность от двух месяцев до четырех лет в качестве основного вида наказания, а как дополнительное – в пределах от шести месяцев до двух лет. Следовательно, при стандартных условиях его отбывание прекращается по окончании указанных сроков. Наряду с этим уголовный закон предусматривает ответственность за злостное уклонение осужденного к ограничению свободы от отбывания наказания (ч. 1 ст. 314 УИК РФ). Следовательно, злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, будучи криминализированным, является одновременно нарушением не только уголовно-исполнительных, но и уголовно-правовых норм.

Правовыми последствиями злостного уклонения от отбывания ограничения свободы в санкции ч. 1 ст. 314 УК РФ определены принудительные работы на срок до одного года, а также лишение свободы на тот же срок.

Как правильно указывает В.Д. Филимонов, смысл замены «должен состоять не в усилении ответственности за ранее совершенное

преступление, ...а в назначении такого наказания, которое по своей тяжести соответствовало бы тяжести ранее назначенного наказания, но в отличие от первого могло быть реально исполнено...»¹. Учитывая тот факт, что принудительные работы пока являются лишь перспективным, своего рода «виртуальным» видом наказания, реально действующим «заменителем» ограничения свободы следует признать лишь лишение свободы. Вместе с тем отметим некоторую несогласованность между уголовным и уголовно-исполнительным законодательством. В ч. 1 ст. 53 УК РФ устанавливается обязанность осужденного к ограничению свободы «не изменять место жительства или пребывания». А в п. 4 ст. 58 УИК РФ одним из видов злостного уклонения от отбывания ограничения свободы названо оставление места жительства. Если использовать буквальное толкование, то выходит, что оставивший место пребывания (временной регистрации) и скрывшийся от контроля уголовно-исполнительной инспекции осужденный не будет субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ. Формально такая ситуация вполне возможна. Для ее предупреждения необходимо дополнить соответствующую уголовно-исполнительную норму упоминанием об оставлении места пребывания как одной из разновидностей злостного уклонения от отбывания ограничения свободы.

Рассматривая вопрос о прекращении отбывания наказания в виде ограничения свободы, нельзя не отметить, что данное прекращение означает одновременное завершение уголовно-правовых и уголовно-исполнительных правоотношений. Вместе с тем досрочное прекращение будет означать трансформацию одних уголовно-правовых отношений в другие, ведь злостное уклонение от отбывания ограничения свободы согласно ч. 5 ст. 53 УК РФ предусматривает замену этого наказания на принудительные работы или лишение свободы. Следовательно, одни уголовно-исполнительные правоотношения «превращаются» в другие по исполнению наказания в виде лишения свободы или несуществующих пока принудительных работ. Таким образом, досрочная отмена режима ограничения свободы не ведет к завершению уголовно-исполнительного регулирования, что имеет предупредительную на-

---

¹ Филимонов, В.Д. Норма уголовного права. СПб., 2005. С. 273.

правленность применительно к осужденным, для которых столь гуманная и «ненаказательная» по сути уголовно-правовая мера, как ограничение свободы, не возымела должного эффекта.

Подводя итог, необходимо отметить, что прекращение отбывания ограничения свободы проявляется в различных юридических фактах, как прекращающих уголовно-исполнительные правоотношения, так и изменяющих их в уголовно-правовые, если состоялась замена ограничения свободы на уголовно-правовую санкцию в виде реального лишения свободы.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ НЭПа¹

Е.Г. Михеенков

Основными направлениями культурно-просветительной работы среди заключенных в период нэпа являлись ликвидация неграмотности заключенных; работа библиотек; повышение общекультурного уровня; проведение политических лекций и бесед.

По сохранившимся данным по пенитенциарным учреждениям Омской, Томской и Новониколаевской губерний за 1922–1926 гг. можно представить общий уровень грамотности содержащихся заключенных. Относительное большинство их были малограмотны (около 42%); грамотных среди них насчитывалось до 36%; неграмотных – 22%. Из грамотных заключенных низшим образованием обладало до 69%, средним – 28% и высшим – 3%.

Усилия ГУМЗ НКВД РСФСР по ликвидации неграмотности заключенных были не напрасны. Так, если в 1924–1925 гг. в местах лишения свободы было 122 школы², то в 1925–1926 гг. насчиты-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, № проекта 14-13-70002.

² Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск, 2011. С. 106.

валось 291 пункт ликвидации безграмотности, 198 школ для малограмотных и 39 школ повышенного типа. По официальным данным, в 1925 г. в школах грамоты обучалось от 3000 до 3600 человек, в школах для малограмотных – около 2000, а в школах повышенного типа – до 700 заключенных¹.

Известные успехи были достигнуты в работе библиотек, работавших во всех местах лишения свободы Западной Сибири. Кроме того, был организован особый институт выборных камерных и коридорных «культурников». Последние были обязаны распространять печатные произведения среди заключенных, своевременно производить обмен книг, привлекать в библиотеки новых читателей, руководить их чтением по индивидуальным программам. Одним из направлений их деятельности являлась организация «громких массовых чтений и бесед» с неграмотными заключенными. Подобные чтения вслух в тот период практиковались в большинстве сельских библиотек и избах-читальнях Сибири².

Повышению общего культурного уровня заключенных способствовали спектакли и концерты, в том числе организованные их собственными силами. Так, театром Томского дома принудработ в 1922 г. было проведено 7 оперных и 55 драматических спектаклей. В репертуар входили оперы «Фауст», «Борис Годунов», «Аскольдова могила». Драматические спектакли ставились по произведениям Н.В. Островского, А.П. Чехова, А.И. Куприна. Было подготовлено 17 концертов, на которых исполнялись произведения Грига, Листа, Бетховена, Шопена, Мусорского³. Отметим, что многие из заключенных вряд ли знали о существовании данных произведений до момента попадания в места лишения свободы.

Формированию политических взглядов заключенных способствовали проводимые лекции и беседы по текущим политическим вопросам, а также атеистического содержания.

---

¹ *Быков А.В.* Становление и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг. Омск, 2011. С. 165.

² *Пайчидзе С.А.* Книга в местах лишения свободы / С.А. Пайчидзе, М.Г. Потопов. Новосибирск, 2006. С. 89, 137–140.

³ *Уйманов В.Н.* Указ. соч. С. 104–106.

Таким образом, проводимая в местах лишения свободы культурно-просветительская работа с заключенными была направлена на получение ими начального образования, усвоения основ культурно-политического развития общества, что объективно способствовало их последующей ресоциализации.

**К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ
И ОРГАНОВ УИС**

А.Г. Антонов, М.В. Киселев

Согласно ст. 8 УИК РФ уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием.

Содержание данных принципов не раскрывается в законе. Это может негативно сказаться как на едином их понимании не только в правовой доктрине, но и в области правоприменения. Что же все-таки эти принципы означают? Как их понимать сотруднику уголовно-исполнительной системы? И в итоге на какие руководящие идеи ему опираться при исполнении должностных обязанностей?

В этой связи представляется наиболее удачным отношение законодателя к определению принципов уголовного права. Их содержание раскрывается в самом Уголовном кодексе. Такой же подход целесообразен и в отношении принципов уголовно-исполнительного права. Разумеется при этом, значение и содержание принципов в указанных отраслях права должны между собой коррелировать.

Немалый интерес представляет принцип гуманизма. Некоторые его проявления можно усмотреть в действующем законодательстве.

Так, согласно ч. 2 ст. 12 УИК РФ осужденные не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или взысканию. Кроме того, в УИК РФ закреплены и иные нормы, отражающие данный принцип. Между тем при реализации принципа гуманизма в приведенном понимании необходимо учитывать социально-экономическое состояние нашего общества и государства. Бюджетные расходы по содержанию осужденных должны соотноситься с доходами законопослушных граждан. Лица, осужденные в рамках наказания, не должны получать лучшее обеспечение, чем среднестатистический гражданин. Не секрет, что сегодня даже появилась категория осужденных, стремившихся в места лишения свободы из-за лучшего материально-бытового обеспечения, нежели на свободе.

Кроме того, принцип гуманизма, на наш взгляд, отражен в УИК РФ несколько односторонне. Более удачна его формулировка в УК РФ, где отмечается дуалистичность рассматриваемого принципа. Ведь применение ограничений к опасным для общества лицам в принципе ориентировано на обеспечение безопасности законопослушных граждан. Поэтому согласно ч. 1 ст. 7 УК РФ «уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека».

Если для принципа гуманизма применительно к осужденным характерно наделение таковых определенными правами, позволяющими «не выпасть» из общества, то для другой части свойственно строгое исполнение наказания, режим (и иные средства исправления) которого позволит осужденного исправить (сделать лицо для общества неопасным), а также содержать опасных лиц в изоляции от общества или под определенным контролем (наказания без изоляции от общества). Следовательно, принцип гуманизма отражает и то, что наказание должно оставаться таковым, а порядок обеспечения его исполнения должен осуществляться в строгом соответствии с законом: жестко и справедливо.

Учитывая это, и нужно формулировать исследуемый принцип. Это позволит сориентировать сотрудника УИС на гуманное обращение с осужденным, которое ограничивается определенными средствами его исправления, направленными на обеспечение безопасности общества.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В СОКРАЩЕННЫХ ФОРМАХ

А.Г. Калугин

Под сокращенными формами производства по уголовному делу в контексте рассматриваемой проблемы автор подразумевает дознание в сокращенной форме и особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. При этом стоит обратить внимание на логику законодателя: сокращенный порядок дознания согласно ст. 226.9 УПК РФ предусматривает последующее упрощенное судебное разбирательство (в особом порядке, предусмотренном ст. 316 УПК РФ). Сопоставление оснований и условий для применения сокращенных форм производства по уголовному делу, изложенных в ст. 226.1 и 314 УПК РФ, приводит к выводу об их почти полном сходстве:

- наличие инициативного ходатайства подозреваемого (обвиняемого);
- признание вины (согласие с предъявленным обвинением);
- отсутствие спора между сторонами обвинения и защиты по поводу допустимости и достоверности доказательств вины, а также их достаточности для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности обвиняемого в совершении преступления.

При таком подходе как орган дознания, так и суд практически избавлены от обязанности исследовать обстоятельства, указанные в

п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (на это указывают ч. 3 ст. 226.5 и ч. 5 ст. 316 УПК РФ). Более того, ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ даже не предполагает возможности стороне защиты при ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании дознания заявить ходатайство о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на восполнение пробела в этой части. Анализ же содержания ст. 226.7 «Окончание дознания в сокращенной форме» приводит к окончательному выводу, что единственно возможным итоговым решением дознавателя по уголовному делу может быть лишь направление его прокурору с обвинительным постановлением.

Несмотря на то, что п. 4 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ оставляет прокурору право принять решение о прекращении поступившего от дознавателя уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24, 25, 27, 28 и 28.1 УПК РФ, это право носит, скорее, символический характер, так как в материалах уголовного дела доказательств, указывающих на наличие этих оснований, скорее всего просто не будет, если только дознаватель не соберет их по собственной инициативе (как уже было сказано выше, от обязанности это делать его освобождает ст. 226.5 УПК РФ).

По той же причине и суд будет фактически лишен возможности применить указанные выше нереабилитирующие основания для прекращения уголовного дела, хотя по смыслу ст. 254 УПК РФ для него в отличие от органов расследования и прокурора это не право, а обязанность. Косвенно об этом свидетельствует п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»: гл. 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, в частности, о прекращении уголовного дела, «если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств». То есть при наличии в деле таких доказательств для их исследования суду придется перейти к общему порядку судебного разбирательства, а при их отсутствии единственно возможным итоговым решением по делу остается приговор.

Таким образом, заявляя ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, подозреваемый, получая гарантированные законом определенные преференции при назначении наказания, фактически лишается шансов на освобождение от уголовной ответственности.

О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РОЛИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

М.Е. Никитенко

В юридической науке большинства развитых стран в настоящее время уголовно-правовое воздействие все активнее изучается не «изнутри», а в широком социальном контексте. Уголовное судопроизводство, представляя собой определенный этап уголовно-правового воздействия, как явление социально-правовое, также нуждается в междисциплинарном изучении. В частности, психоаналитический подход обнажает слабости и противоречия современного уголовно-карательного механизма и говорит о необходимости учитывать социально-психологические реалии. В основе этого подхода идея баланса карательно-воспитательных средств за счет расширения в уголовно-правовом механизме таких инструментов, которые бы оказывали формирующее влияние через систему социальных ценностей и норм. К примеру, основоположник психоаналитического подхода З. Фрейд в качестве одного из основных способов воздействия на агрессивную природу человека считал воспитание. Американский криминолог У. Реклесс на основе фрейдистских схем сформулировал концепцию внутреннего регулирования поведения, основой которого также являлось воспитание.

О том, что право может явиться могучим рычагом воспитания и усовершенствования нравов, писалось немало с давних пор. В советский период вышло немало трудов о воспитательной роли права и

судопроизводства (правосудия) в частности¹. Эта идея последовательно проводилась и в советском законодательстве. В Основах уголовного законодательства одной из целей наказания значилось воспитание. В ст. 243 УПК РСФСР прямо говорилось, что председательствующий в том числе обеспечивает воспитательное воздействие судебного процесса. Косвенным подтверждением того, что уголовный процесс носил в том числе и воспитательный характер, говорит наличие в УПК РСФСР таких механизмов, как участие народных заседателей, представителей общественных организаций и трудовых коллективов, поручительство общественных организаций. Преступник испытывал на себе общественное порицание напрямую, непосредственно, а не просто через сферу закона.

Сегодня термина «воспитание» нет ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законодательстве. О.Н. Коваленко в своем исследовании пишет: «Такое положение вещей соответствует благополучной официальной статистике судимостей, но не фактическому состоянию преступности в России»². Вместе с тем вопрос о воспитательном значении судопроизводства периодически становится предметом обсуждения правоприменителей: «Особое значение зачастую приобретают вопросы повышения роли правосудия как важного организующего и стабилизирующего фактора общественного развития, его доступности и открытости, позитивного влияния на правосознание и правовое воспитание граждан»³ – безусловно, важное высказывание на фоне продолжающихся дискуссий о закрытости судебной и правоохранительной системы от гражданского общества.

Считаем, что воспитательная задача должна найти отражение в отраслевом законодательстве и как имеющая собственное термино-

---

¹ См., например: *Куликов В.* О социалистическом правосудии и его воспитательной роли // Социалистическая законность. М.: Известия, 1965. № 5. С. 50–57; *Слюсаренко Е.Л.* Воспитательная функция социалистического права и роль органов внутренних дел в ее реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1982.

² *Коваленко О.Н.* Задачи и функциональные возможности уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012.

³ См.: Постановление VI Всероссийского съезда судей от 2 декабря 2004 г. // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2005. Вып. 5.

логическое содержание, отличное от иных задач, должна быть обеспечена надлежащим механизмом реализации.

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

А.В. Романова

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» УПК РФ дополнен гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме». Таким образом, законодатель предусмотрел еще одно отличающееся от других производство по уголовным делам. В случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, предусмотрено сокращенное (упрощенное) производство.

Сокращенная форма дознания предполагает не только сокращенные сроки, но и упрощение производства за счет изъятий в доказывании.

Законодатель установил, что доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления (предусмотренные п. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). На первый взгляд может показаться, что круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, сужен. Но также подлежат установлению и другие обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 73 УПК РФ, поскольку это необходимо для решения вопросов как до начала производства дознания в сокращенной форме, так и во время него. Например, решение вопроса о возможности производства дознания в сокращенной форме невозможно без выяснения обстоятельств, которые так или иначе связаны с личностью подозреваемого, поскольку несовершеннолетний возраст подозреваемого, невменяемость лица, совершившего запрещенное

уголовным законом деяние, принадлежность лица к категории, в отношении которой применяется особый порядок производства, препятствуют производству дознания в сокращенной форме.

Согласно п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ дознаватель вправе «не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем». Получается, что при производстве обычного дознания и предварительного следствия дознаватель, следователь обязан выполнять проверку доказательств (ст. 87 УПК РФ), а при производстве сокращенного дознания эта обязанность снимается с дознавателя при определенных условиях.

В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются объяснения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении. Допустимость данного доказательства под вопросом, поскольку в перечне источников (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) данного доказательства нет. Также они получают из источников способами, не предусмотренными уголовно-процессуальным законом для собирания доказательств. Но если любые сведения, получаемые в ходе доследственной проверки, облачать в процессуальную форму, соответствующую установленному УПК РФ перечню доказательств, то подобных вопросов не возникало бы.

Также изъятием из доказывания является возможность не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением случаев, указанных в подп. «а», «б», «в» п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ.

Вышеуказанные отступления могут привести к ошибочным решениям, основанным на непроверенных доказательствах. Поэтому нормы, регулирующие производство дознания в сокращенной форме, необходимо согласовать с другими нормами УПК РФ путем внесения соответствующих изменений.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

Трухин А.М. Проблемы регламентации тяжести преступлений	3
Черненко Т.Г. О некоторых вопросах установления рецидива преступлений	6
Масалитина И.В. Несовершеннолетие виновного как обстоятельство, смягчающее наказание	8
Гета М.Р. Проблемы уголовно-правовых последствий преступного деяния, альтернативных наказанию	10
Василенко В.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»	12
Попов К.О. Проблемы уголовно-правовой охраны деловой репутации юридического лица	14
Ермакова О.В. Проблемы квалификации мошенничества с использованием средств сотовой связи или в сети Интернет	16
Ведерникова Л.В. К вопросу об объективной стороне преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ	18
Цой Л.В. Проблемы квалификации вымогательства	20
Ботвин И.В. Предмет преступления как факультативный признак состава причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием	22
Лозинский И.В. К вопросу о декриминализации незаконного использования товарного знака	24
Капитонов С.А. Навязывание искаженной модели либерализма как преступный способ разрушения российской государственности	26
Савченко Д.А. Оказание помощи врагу как государственное преступление	28
Тыняная М.А. Отграничение халатности от злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий	30
Шеслер А.В. Соотношение пособничества и посредничества во взяточничестве	32
Будатаров С.М. Система должностных преступлений	34

Чубраков С.В. Системообразующие отношения (принципы) уголовно-исполнительного права	36
Никитин А.Д. К вопросу о целях административного надзора	39
Пропостин А.А. Принцип дифференциации прогрессивной системы отбывания наказаний	41
Уткин В.А. Об актуальных направлениях научного обеспечения альтернативных санкций	43
Антонян А.Г. Оценочные понятия в проектах Уголовно-исполнительного кодекса на рубеже 1990-х годов	45
Зырянова И.А. К вопросу о криминализации «продажности» избирателей	48
Щедрин Н.В. Об унификации понятийно-категориального аппарата криминологии	49
Красноусов С.Д. К вопросу о методике проведения антикоррупционного аудита	51
Акунченко Е.А. Актуальные вопросы прогнозирования коррупционных рисков при проведении избирательных кампаний	53
Бухарина Н.П. К вопросу о профилактике коррупционного поведения в среде молодежи	55
Ольховик Н.В. К вопросу о совершенствовании деятельности ФСИН России по противодействию коррупции	57
Писаревская Е.А. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав: является ли их деятельность эффективной?	59
Антонов Т.Г. Унификация норм уголовно-исполнительного законодательства об ответственности осужденных к наказаниям без изоляции от общества	61
Уваров О.Н. Проблемы исполнения наказания в виде исправительных работ	63
Девяшин Д.Г. Проблемы правовой регламентации применения огнестрельного оружия сотрудниками УИС	65
Карелин Д.В. «Пьяная» преступность несовершеннолетних	67
Разбирин В.В. Формы государственного принуждения в «пенитенциарном праве»	69
Прохорова М.В. Осужденные женского пола в воспитательных колониях	71
Лелик Н.Б. Осужденные женского пола в исправительных колониях	73

Коголь Т.Н., Анцибалова О.В. Некоторые вопросы увольнения сотрудников УИС по п. «е» ст. 58 о службе в органах внутренних дел	75
Иванова А.Н. Некоторые аспекты перехода на контрактную систему в сфере закупок товаров, работ, услуг в уголовно-исполнительной системе.....	77
Бортник Л.Ю. Некоторые проблемы обеспечения надзора в исправительных учреждениях	79
Бакунчев А.Г. Соотношение общих задач оперативно-розыскной деятельности с задачами оперативно-розыскной деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.....	81
Аниськин С.И. Проблемные вопросы применения мер дисциплинарного воздействия в следственных изоляторах	83
Смирнов А.Н. Правовые основания прекращения отбывания ограничения свободы.....	85
Михеенков Е.Г. Основные направления культурно-просветительной работы с заключенными в Западной Сибири в эпоху нэпа.....	87
Антонов А.Г., Киселёв М.В. К вопросу о значении принципа гуманизма в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации и в практической деятельности учреждений и органов УИС.....	89

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Калугин А.Г. Проблема применения нереабилитирующих оснований прекращения уголовного преследования при осуществлении производства по уголовному делу в сокращенных формах	91
Никитенко М.Е. О воспитательной роли уголовного судопроизводства	93
Романова А.В. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме	95

Научное издание

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 62

Редактор *В.Г. Лихачева*
Компьютерная верстка *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 25.12.2014 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Печ. л. 6,2; усл. печ. л. 5,9; уч.-изд. л. 5,7.

Тираж 100 экз. Заказ 786.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru